

Аллан Кардек

**Небо (рай) и ад. Божественная
справедливость с точки
зрения спиритуализма**

«Автор»

Кардек А.

Небо (рай) и ад. Божественная справедливость с точки зрения спиритуализма / А. Кардек — «Автор»,

Поступками человека, в конечном счете, руководит вера в возможную будущую жизнь или в небытие после земного существования. Представления о рае и аде издавна занимали человеческие умы: каковы рай и ад, где местонахождение ада? Автор живописует картины языческого и христианского рая и ада и обосновывает отношение спиритизма к учению о вечности мучений и о первородном грехе. В книге подробно освещаются учения об Ангелах и Демонах, их происхождение и современные автору вмешательства в дела человеческие Духов. Книга содержит многочисленные примеры счастливых и несчастных Духов, закоренелых преступников и кающихся грешников. Яркими образами и полемическим характером книга будет интересна широкому кругу читателей.

© Кардек А.

© Автор

Содержание

Часть первая. Учение	5
Глава 1. Будущая жизнь и небытие	5
Глава 2. Страх смерти	10
Причина страха смерти	10
Почему спириты не боятся смерти	13
Глава 3. Небо (Рай)	14
Глава 4. Ад	20
Предчувствие будущих наказаний	20
Христианский ад как подражание аду языческому	20
Преддверие рая	22
Изображение языческого ада	22
Картина христианского ада	26
Глава 5. Чистилище	30
Глава 6. Учение о вечности мучений	33
Происхождение учения о вечных муках	33
Доводы в защиту учения о вечных муках	35
Материальная невозможность вечных мук	38
Устарелость доктрины о вечности мук	39
Глава 7. Будущие наказания по учению спиритизма	42
Плоть немощна	42
Источник спиритического учения о будущих наказаниях	43
Закон о наказаниях в будущей жизни	43
Глава 8. Ангелы	49
Ангелы по учению церкви	49
Опровержение	51
Ангелы по учению спиритизма	54
Глава 9. Демоны	55
Происхождение веры в демонов	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Аллан Кардек
Небо (Рай) и Ад или Божественная
справедливость с точки
зрения спиритуализма.
Сравнительное обозрение доктрин о
переходе из жизни телесной в жизнь
духовную; будущие наказания и награды;
ангелы и демоны; вечные муки и
многочисленные примеры о действительном
состоянии души во время и после смерти

*...Живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был.
(Иезекииль 33:11)*

Часть первая. Учение

Глава 1. Будущая жизнь и небытие

1. Мы живем, думаем, действуем – для нас это несомненно; не менее несомненно и то, что мы умираем. Но, покинув землю, куда мы пойдём, что будет с нами? Сделаемся ли мы лучше или хуже? Будем мы или не будем существовать? «Быть или не быть?» – вот вопрос. Вечно жить или не жить вовсе; будем ли мы жить вечно или все исчезнем безвозвратно? Об этом стоит подумать.

Всякий человек стремится жить, наслаждаться жизнью, любить, быть счастливым. Скажите человеку, находящемуся на смертном одре, что он ещё будет жить, что час его смерти ещё не настал; главное, скажите ему, что он будет счастливее прежнего, и сердце его радостно забьётся; но к чему послужит эта радость, эта надежда на счастье, если достаточно одного дуновения, чтобы все разлетелось в прах?

Есть ли что-нибудь более угнетающее, чем мысль о совершенном уничтожении? Святыня привязанностей, разум, прогресс, трудами приобретенные знания – все будет разбито, все потеряно. Какая надобность хлопотать о своем совершенствовании, сдерживать свои страсти, утомляться, развивая свой ум, если не суждено увидеть плодов этих усилий, особенно при мысли, что завтра, может быть, уже ничего вам не будет нужно? Если бы это было так, то судьба человека была бы во сто раз хуже участи животного, которое живет настоящей минутой, в удовлетворении своих материальных потребностей, без надежды и упования на будущее. Но внутреннее инстинктивное чувство говорит нам, что это невозможно.

2. Веря в небытие, человек поневоле сосредотачивает все свои мысли на настоящем. И как, в самом деле, заботиться о будущем, которого не ждешь? Эта исключительная забота о

настоящем естественно приводит к эгоизму, и неверующий вполне последователен, приходя к следующему заключению: надо наслаждаться жизнью, потому что со смертью все кончается; наслаждаться возможно больше и скорее, потому что мы не знаем, сколько мы проживем; или к заключению еще более опасному для общества: будем наслаждаться и думать только о себе, так как счастье на земле достигается наиболее смелыми людьми.

Если совесть и останавливает некоторых, то нет никакой узды для тех, кто ничего не боится. Они думают, что законы человеческие карают только людей неискренних и недалеких, вот почему они прилагают все свои способности к тому, чтобы обходить их. Это учение *нездоровое и противоположенное*; учение, проповедующее уничтожение, потому что оно разрушает солидарность и братство, основу социальных отношений.

3. Предположим, например, что целый народ по какой-либо причине придет к убеждению, что через неделю, через месяц или даже через год он будет уничтожен, что ни один человек не останется в живых и что о них не сохранится ни следов, ни воспоминания. Что он будет делать в течение этого времени? Будет ли он трудиться над своим совершенствованием и просвещением? Будет ли он работать? Будет ли уважать права, жизнь и собственность своих ближних? Захочет ли он подчиняться законам и уважать авторитеты, даже наиболее почтенные, как, например, авторитет родителей? Будет ли признавать какие-либо обязанности? Конечно, нет. И если мы не видим массовых примеров этому, то единичные случаи, как результат учения о небытии, встречаются ежедневно.

Если последствия отрицательных учений не так разрушительны, как могли бы быть, то это, во-первых, потому, что у большинства неверующих больше рисовки, чем настоящего неверия, больше сомнения, чем убеждения, и что они больше боятся небытия, чем они стараются это выказать, так как звание вольнодумца льстит их самолюбию. Во-вторых, действительно и абсолютно неверующие составляют ничтожное меньшинство, они невольно подчиняются влиянию мнений, противоположных учению о бессмертии души, и поддерживаются господствующим материализмом. Но если абсолютное неверие когда-нибудь сделается общим достоянием, то общество распадается. Вот к чему ведет доктрина полного уничтожения.¹

Если бы учение о небытии действительно было истиною, то следовало бы его принять, и никакие противоположные ему системы, ни мысль о зле, причиняемом им, не могли бы воспрепятствовать признанию этого учения. Нельзя отрицать, что скептицизм, сомнение и индифферентность ежедневно распространяются вопреки усилиям религии – это несомненно. Если же религия бессильна против неверия, то значит ей чего-то недостает, чтобы бороться с ним; и если бы она оставалась в бездействии, то была бы непременно окончательно побеждена в течение непродолжительного времени.

Чего же ей недостает?

В наш позитивный век хотят *понимать*, прежде чем *верить*, а религии недостает подтверждения положительными фактами ее доктрин. Также подрывает ее согласование некоторых учений с данными науки. Если религия говорит – белое, а факты доказывают, что это – черное, то приходится выбирать между очевидностью и слепой верой.

4. При таком положении вещей спиритизм является преградой распространению неверия, опровергая его не только рассуждениями или указаниями на опасности, которые оно за

¹ Один 18-летний юноша, страдавший неизлечимой болезнью сердца, узнал от врачей, что более двух лет ему не прожить. Он тотчас бросил учебу и предался излишествами всякого рода. На замечания, что беспутная жизнь опасна в его положении, он отвечал: «Не все ли равно? Мне осталось так мало жить! Из-за чего я стану утомлять свой ум? Лучше повеселюсь до конца». Это – логическое последствие учения о небытии. Если бы этот юноша был спиритом, он думал бы так: «Смерть уничтожает только мое тело, которое я покину, как изношенное платье, но дух мой будет жить вечно. В будущей жизни я буду тем, чем сделаю себя в этой жизни. Ничто не пропадет из того, что я приобрету в нравственном и умственном отношении, и всякий недостаток, от которого я исправлюсь, есть шаг вперед по пути к блаженству. Будущее мое счастье и несчастье зависят от образа моей настоящей жизни. Итак, в моих интересах воспользоваться остающимся мне малым временем и избегать всего, что может истощать мои силы». Которое из этих двух учений предпочтительнее?

собой влечет, но материальными фактами, давая возможность наглядно убедиться в существовании души и будущей жизни.

Каждый волен, конечно, в своих убеждениях: может верить во что-нибудь или ни во что не верить; но те, которые стараются посеять в умах массы или же, в особенности, в умах юношества отрицание будущей жизни, опираясь на авторитет своей учености и своего положения, распространяют зародыши смут и разрушения и берут на себя тяжелую ответственность.

5. Есть еще одно учение, которое отрекается от материализма потому, что признает существование разумного начала вне материи. Это учение *о слиянии каждой отдельной индивидуальности со всемирным целым*. По этому учению, каждый индивидуум при своем рождении получает частицу этого начала, которое и составляет его душу и дает ему жизнь, разум и чувство. После смерти душа возвращается к первоначальному источнику и теряется в бесконечности, как капля воды в океане.

Это учение, допускающее хоть что-нибудь, без сомнения, несколько выше чистого материализма, но результаты того и другого одинаковы. Погружается ли человек после смерти в небытие или теряется в общей массе – для него безразлично. Если в первом случае он уничтожается, то во втором теряет свою индивидуальность, что для него равносильно уничтожению. Самое важное для него есть сохранение его личности, его собственного «Я», и без этого ему все равно – быть или не быть! Будущность для него все так же безразлична, и по-прежнему его занимает только настоящее. С точки зрения моральных последствий, это учение столь же нездорово, столь же безнадежно, столь же эгоистично, как и материализм.

6. Кроме того, на него можно возразить следующее: все капли в океане одинаковы и обладают одинаковыми свойствами, как части одного целого; почему же души, извлеченные из общего океана всемирного разума, так мало похожи одна на другую? Почему появляется гений рядом с глупостью, самые высокие добродетели – подле ужасающего порока? Доброта, кротость, человеколюбие, и тут же – злоба, жестокость и варварство? Каким образом части однородного целого могут быть столь различны? Скажут, может быть, что воспитание их изменяет. Но откуда же берутся природные качества, раннее развитие, добрые или злые инстинкты, не зависящие от воспитания и часто расходящиеся с окружающей средой и тем обществом, в котором они проявляются.

Воспитание, без сомнения, изменяет природные качества души – умственные и нравственные, но здесь является новое затруднение. Кто же дает воспитание этим душам и побуждает их совершенствоваться? Души, по общности своего происхождения из одного и того же источника, не могут различаться друг от друга в своем развитии. С другой стороны, душа, возвращаясь во всемирное целое, из которого она вышла, приносит в него более совершенный элемент, приобретенный ею во время жизни; следовательно, целое должно в конце концов глубоко измениться и усовершенствоваться. Почему же из него непрестанно нарождаются души невежественные и нечестивые?

7. По этому учению, всемирный источник разума, порождающий человеческие души, независим от Божества. Это, собственно, даже не пантеизм, учение которого не вполне с этим сходно. Пантеизм признает, что всемирный источник жизни и разума составляет Божество. Бог в одно и то же время – дух и материя; все существа, все тела природы составляют Божество: это его составные элементы, его молекулы. Бог есть соединение всех разумов, а каждая личность, составляющая часть целого, есть Сам Бог; никакое высшее независимое существо не управляет целым; мир – это громадная республика без главы, или, лучше сказать, всякий тут – глава с абсолютной властью.

8. Этой системе можно противопоставить множество возражений, из которых главные таковы: как объяснить, что Божество бесконечно совершенное (иначе его невозможно постигнуть) может состоять из частей столь несовершенных и нуждающихся в совершенствовании?

Каждая частица целого подчинена закону совершенствования, значит, и Бог должен совершенствоваться; а если Он постоянно совершенствуется, значит, было время, когда Он был очень несовершенен.

Каким образом существо несовершенное, составленное из столь разнородных направлений и идей, могло создать столь гармоничные, столь чудные единством, мудростью и предусмотрительностью законы, какими управляется мир? Если все души – отдельные части Божества, то они все содействовали составлению законов природы; отчего же они постоянно ропщут на них, на собственные свои произведения? *Никакая теория не может быть признана истинной, если не удовлетворяет требованиям разума и не объясняет всех фактов, к ней относящихся; если хоть один случай не может быть ею объяснен, то, значит, теория не абсолютно верна.*

9. В моральном отношении последствия столь же нелогичны. Прежде всего, для души остается то же, как в предыдущем учении, слияние с общим целым и потеря индивидуальности. Если же допустить, согласно мнению некоторых пантеистов, что они сохраняют свою индивидуальность, то Бог уже не имеет единства воли: тогда Он является соединением мириад разнородных направлений. Кроме того, каждая душа, будучи составной частью Божества, ни одна не подчиняется высшему могуществу и, следовательно, не несет никакой ответственности за свои поступки, добрые или злые; ничто не побуждает ее делать добро, и она может безнаказанно совершать зло, так как для нее высшая власть заключается в ней самой.

10. Эти теории не только не удовлетворяют разум и стремления человека, но в них наткнешься на непреодолимые затруднения, потому что они не в силах разрешить все ими же возбуждаемые вопросы.

Итак, человеку предоставлено выбирать одно из трех верований: в небытие, в слияние со всемирным целым или в сохранение индивидуальности души до и после смерти. Логика приводит нас к тому последнему верованию, на котором основывались все религии с тех пор, как существует мир.

Если логическое мышление приводит нас к признанию индивидуальности души, оно приводит также и к другому следствию, а именно, что судьба всякой души должна зависеть от ее личных свойств. Потому что нельзя допустить, чтобы малоразвитая душа дикаря или порочного человека находилась на одном уровне с душою ученого и добродетельного мужа. По справедливости души должны нести ответственность за свои действия; но, чтобы быть ответственными, им нужна свобода выбора между добром и злом; а без такой свободы – это просто фатализм, при котором не может быть никакой ответственности.

11. Все религии одинаково признают принцип счастливой или несчастливой судьбы души после смерти, иначе говоря, наказаний или наград в будущей жизни, выражающийся в учении о рае и аде, которое мы находим у всех народов. Существенное различие между ними заключается в определении этих наград и наказаний, и особенно тех условий, которые способствуют присуждению тех или других. Отсюда произошли противоречивые положения, породившие различные культы с установленными каждым из них особыми обрядностями: для прославления Бога, для достижения рая и для избежания ада.

12. При своем возникновении все религии должны были соответствовать степени нравственного и умственного развития человечества; а люди вначале были еще настолько материальны, что мало понимали духовную сторону культа и потому ограничивали все свои религиозные обязанности исполнением наружных обрядностей. В продолжение некоторого времени эти обрядности удовлетворяли ум человека, но позднее, при развитии просвещения, они стали для него неудовлетворительны. И если религия не заполняет этот пробел, то люди отказываются от нее и обращаются к философии.

13. *Если бы религия, сначала соответствовавшая лишь ограниченным понятиям человека, всегда следовала за прогрессивным развитием его разума, неверующих не было бы вовсе.*

*Потребность верить – в природе человека, и он будет верить, если только ему дадут духовную пищу, удовлетворяющую его умственным запросам. Он хочет знать, откуда он и куда он идет; но если ему указывают цель, не отвечающую его стремлениям, его идее о Боге и данным науки; если, сверх того, для достижения этой цели ему ставят требования, с которыми его разум не может помириться, то он отвергает все. Пантеизм и материализм кажутся ему более рациональными потому, что допускают исследование и рассуждение. Положим, люди рассуждают неправильно, но все же они предпочитают рассуждать хотя бы и *ошибочно*, чем не рассуждать вовсе.*

Но пусть человеку представят будущее в условиях логических, действительно достойных величия, правосудия и бесконечной благодати Божией, и он покинет материализм и пантеизм, пустоту которых сознает в глубине своей совести и которые он принял только за неимением лучшего. Спиритизм дает больше, и потому с жадностью принимается именно теми, кого мучают неизвестность и тяжелые сомнения и кто не находит того, что ищет, ни в верованиях, ни в обыденной философии. Спиритизм имеет за собой преимущества логики и разума, подтвержденные фактами; вот почему с ним так безуспешно боролись.

14. Человек инстинктивно верит в будущее, но, не находя до сих пор никакого твердого основания для его определения, предоставил своему воображению создавать системы, породившие разногласия в верованиях. Спиритическое учение о будущем не есть фантастическая доктрина, более или менее остроумно задуманная, но результат наблюдений материальных факторов, доступных нашим чувствам; оно соединит, как это уже теперь видно, все разноречивые мнения и постепенно приведет, силою вещей, к единству верования в будущую жизнь, построенную уже не на гипотезах, а на неоспоримых фактах. *Объединение понятий о будущей судьбе души будет первым шагом к сближению различных вероисповеданий, огромным шагом к веротерпимости, а позднее и к полному слиянию религий.*

Глава 2. Страх смерти

Причина страха смерти

1. У каждого человека, на какой бы ступени развития он ни стоял, не исключая и дикаря, есть врожденное чувство будущей жизни; его исключительное сознание говорит ему, что смерть не есть последняя стадия существования и что те, кого мы оплакиваем, не потеряны для нас без возврата.

Вера в будущую жизнь созерцательна и гораздо более обща, нежели вера в небытие.

Как же происходит, что между людьми, верующими в бессмертие души, встречается такая привязанность ко всему земному и такая сильная боязнь смерти?

2. Страх смерти есть следствие премудрости Провидения и инстинкта самосохранения, присущего каждому живому существу.

Он необходим для человека, пока тот не осведомлен об условиях будущей жизни, как противовес увлечению, которое без этого сдерживающего средства может заставить его преждевременно покончить с жизнью, небрежно относиться к работе над собой здесь, на земле, и должен служить его личному совершенствованию.

Вот почему у первобытных народов будущая жизнь выражалась сначала лишь неясным созерцанием; позднее, по мере их развития, – простою надеждою, и, наконец, уверенностью, колеблемою тайной привязанностью к телесной жизни.

3. По мере того, как человек лучше и более сознательно понимает будущую жизнь, страх смерти уменьшается.

В то же время, яснее сознавая свою миссию на земле, он ожидает своего конца с большим спокойствием, покорностью и без боязни.

Уверенность в будущей жизни дает иное течение его мыслям, иную цель его работе; до этой уверенности он работает только для настоящей жизни; при этой же уверенности он работает для будущей жизни, но не пренебрегая и настоящим, потому что он знает, что будущая жизнь зависит от более или менее хорошего направления, которого он будет придерживаться в настоящей жизни.

Уверенность встретить своих друзей после смерти, продолжать с ними свои земные отношения, *не потерять ни единого плода своей работы*, преуспевать бесконечно в знании и совершенствовании дает ему терпение ждать и мужество переносить мимолетные неприятности земной жизни.

Солидарность, которую он видит между живыми и умершими, дает ему понятие о той солидарности, *которая должна существовать между живыми*. Братство в самом себе имеет причину к существованию, а милосердие – оправдывается целью в настоящем и будущем.

4. Чтобы избавиться от страха смерти, надо суметь посмотреть на нее с истинной точки зрения, т. е. проникнуть мыслью в духовный мир и получить о нем возможно точное представление.

Это умение указывает на определенное развитие воплощенного духа и на известную его (и только ему присущую) способность освобождаться от материи.

У тех же, кто еще недостаточно усовершенствован в этом отношении, материальная жизнь господствует над жизнью духовной.

Человек, привязываясь к внешности, *видит жизнь лишь в теле*, тогда как настоящая жизнь *заключена в душе*; когда тело умирает, ему кажется, что все кончено, и он приходит в отчаяние.

Если бы, вместо того, чтобы сосредоточивать свои мысли на внешней одежде, он направил их на одеваемое – на самый источник жизни, на душу, которая есть настоящее существо, переживающее все, он менее бы сожалел о теле, этом источнике стольких бед и горестей. Но для этого, надо иметь силу, которую дух приобретает лишь со зрелостью.

Итак, страх смерти происходит от недостаточности понятий о будущей жизни. Он указывает на необходимость жизни и на опасение, что все кончается с разрушением тела, но он вызывается также и тайным желанием продолжения жизни души, в которой человек еще не вполне уверен.

Уменьшается страх этот по мере того, как крепнет уверенность в самостоятельной жизни души; и уже совершенно исчезает при полной уверенности.

Что же касается этого вопроса с точки зрения Провидения, то было великой мудростью Его не поражать человека, разум которого еще не настолько окреп, перспективой слишком положительной и увлекательной будущей жизни, так как это увлечение заставило бы его пренебрегать настоящим, необходимым для его материального и духовного совершенствования.

5. Это положение вещей поддерживается и продолжается по причинам чисто человеческим. Первая причина заключается в представлении будущей жизни, представлении, которое могло быть достаточным для малоразвитых умов, но не могло удовлетворить требований разума людей мыслящих.

«Нам выдают, – говорят они, – за безусловные истины принципы, противоречащие логике и положительным данным науки, это одно уже доказывает, что они не истинны».

Отсюда у некоторых – неверие; у многих же – вера, смешанная с сомнением. Для них будущая жизнь – нечто неясное, скорее, вероятность, чем безусловная уверенность; они в нее верят, хотели бы, чтобы она существовала, и, помимо своей воли, говорят: «А если ее не существует?.. Настоящее положительнее, займемся лучше им; будущее придет само собою».

«И потом, – говорят они: – что такое, в сущности, душа? Точка, атом, искра, пламя?..

Как она живет?..

Как видит?..

Как чувствует?..»

Душа для них не есть действительность, реальность, а отвлеченность, представление.

Дорогие им существа, приведенные в их мыслях в состояние атомов, для них, так сказать, потеряны и утрачивают в их глазах те качества, за которые они были любимы; они не понимают ни *искры* любви, которую можно питать к ней – к *этой искре*, и они не могут удовлетвориться возможностью быть превращенными в неведущие единицы. Отсюда возврат к действительности земной жизни, которая представляет из себя нечто более существенное.

Число мыслящих таким образом очень значительно.

Другая причина, привязывающая к земле даже людей, наиболее твердо верующих в будущую жизнь, проистекает от впечатлений от их учения и воспитания, которые сохранились с детства.

Надо сознаться, что картина будущей жизни, которую рисует религия всех народов, не представляет ничего привлекательного и утешительного. С одной стороны – муки осужденных, искупляющих в вечной пытке и пламени свои минутные заблуждения; для них века сменяются веками безо всякой надежды на облегчение и сострадание; и, что всего безжалостнее, раскаяние для них не действительно. С другой стороны – томящиеся в слабые души чистилища, ожидающие своего избавления не от собственных попыток совершенствования, а от доброго желания живых, молящихся о них.

Эти две категории составляют преимущественное количество населения *того* мира. Над ними парит ограниченное число избранных, наслаждающихся в течение вечности созерцательным блаженством.

Конечно, *эта вечная бесполезность* лучше небытия, но тем не менее она не лишена *скудного однообразия*. Поэтому на картинах, изображающих блаженных, видны ангельские лики, дышащие скорей скукой, нежели истинным блаженством.

Это состояние не удовлетворяет ни стремлений, ни инстинктивной идеи к прогрессу, который единственно может быть совместим с безусловным блаженством.

Трудно понять, чтобы невежественный дикарь, незнакомый с чувством нравственности, в силу только полученного им крещения, становился на один уровень с человеком, достигшим некоторого совершенства долголетним трудом на высшей ступени науки и нравственности. Еще менее понятно, чтобы ребенок, умерший в раннем возрасте, когда он еще не имел понятия ни о себе самом, ни о своих поступках, наслаждался бы теми же преимуществами, благодаря одному лишь обряду, в котором воля его не принимала никакого участия.

Эти мысли смущают даже наиболее ревностно верующих, но хотя бы немного мыслящих людей.

Успешная работа на земле, ничего не значащая для будущей жизни; легкость, с которой люди надеются получить блаженство посредством исполнения некоторых внешних обрядностей; возможность даже купить его за деньги без серьезного исправления характера и привычек, оставляют земным радостям всю их цену.

Не один верующий успокаивал свою совесть, говоря, что, так как его будущее обеспечено исполнением определенных обрядов и посмертными дарами, ничего его не лишаящими, было бы излишне подвергать себя лишениям в пользу ближнего, когда можно спастись, работая каждый для себя.

Конечно, не все так думают, и есть великие и прекрасные исключения; но нельзя не признаться, что таковы мысли большинства, особенно непросвещенной массы, и представление об условиях счастья в ином мире поддерживает привязанность к благам здешнего мира и, следовательно, к эгоизму.

Прибавим к этому, что все в наших обычаях содействует сожалению о земной жизни и боязни перехода с земли на небо. Смерть окружена такой печальной обрядностью, которая, скорее, ужасает, нежели возбуждает надежду. Изображая смерть, воспроизводят ее всегда в отталкивающем виде и никогда не изображают сном при переходе из одной жизни в другую. Все эмблемы смерти напоминают о разрушении тела, показывают его отвратительным и иссушенным. Нигде смерть не представляется символом счастливой души, разорвавшей свои земные узы.

Переход в тот, более счастливый, мир сопровождается стоном оставшихся в живых, как будто для отходящего это тяжелое несчастье. С ними прощаются навеки, как будто не рассчитывают когда-либо свидеться; сожалеют за них о радостях сего мира, как будто за гробом они не найдут себе лучших. «Какое несчастье, – говорят эти люди, – умереть молодым, богатым, имеющим впереди блестящее будущее!»

Представление о более счастливом положении едва касается мысли людей и не укореняется в ней.

Таким образом, все внушает страх смерти вместо того, чтобы возродить надежду. И человеку понадобится еще много времени, чтобы отказаться от всех этих предрассудков; но, по мере того, как будет крепнуть его вера, он будет ближе и ближе подходить к более здравому представлению о духовной жизни.

Кроме того, глубокое верование и предрассудки помещают души отошедших в места, малопонятные нашей мысли, и отошедшие делаются как бы чуждыми живущим. Религия многих народов ставит между умершими и живущими непреодолимую преграду: она заявляет, что все отношения порваны, всякое сообщение невозможно. Если души находятся в аду, то потеряна всякая надежда свидеться с ними, остается только самому попасть в ад. Если они находятся среди избранных, то они поглощены своим созерцательным блаженством.

Все это ставит между умершими и живущими такое разделение, что на разлуку при отшествии в иной мир смотрят, как на вечную. Вот почему все скорее предпочитают удерживать около себя на земле *страдающих любимых людей*, чем видеть их отходящими, хотя бы и на небо.

И потом, действительно ли счастлива на небе душа, видящая, как мучаются в вечном пламени, например, *ее сын, отец, мать или ее друзья?*

Почему спириты не боятся смерти

Спиритуалистическое учение меняет совершенно взгляд на будущую жизнь. Будущая жизнь – более не гипотеза, а действительность. Состояние души после смерти – более не система, а результат наблюдения.

Завеса поднята. Духовный мир является нам в своей действительности; его открыла не хитрая выдумка людей, а сами обитатели этого мира пришли к нам и описали свое положение. Мы видим их там на всех ступенях духовной лестницы, во всех фазах счастья и несчастья. Мы присутствуем при всех перипетиях загробной жизни. Вот причина спокойствия спиритов, с которым они смотрят на смерть, и ясности их последних минут на земле.

Их поддерживает не одна надежда, но и уверенность; они знают, что будущая жизнь есть продолжение настоящей жизни, только при лучших условиях; и они ее ждут с такою же уверенностью, как восхода солнца после ночной бури.

Причины этой уверенности заключаются в фактах, свидетелями которых они являются, и в согласовании этих фактов с логикой, справедливостью и милосердием Бога и внутренними стремлениями человека.

Для спиритов душа не есть нечто отвлеченное; она имеет эфирное тело, делающее из нее определенное существо, которое может охватить мысль и постичь ее; хорошо уже то, что можно, благодаря этому, основывать свои представления на ее индивидуальности, ее способностях и ее чувствованиях.

Память о дорогих нам существах покоится не на воображении, а на действительности. Души не представляются блуждающими огоньками, ничего не говорящими нашей мысли, но вырисовываются в ясной определенной форме, которая показывает их нам, как живые существа.

Затем, вместо того, чтобы быть затерянными в пространстве, они находятся около нас; мир телесный и мир духовный находятся в постоянном сношении и общении между собою.

Сомнение в будущей жизни удалено, и не существует более причины страха смерти, ее встречают хладнокровно, как освобождение; на нее смотрят, как на дверь к жизни, а не к небытию.

Глава 3. Небо (Рай)

1. Словом *небо* определяют пространство, окружающее землю, в особенности же – ту часть, которая находится над нашим горизонтом. Древние верили в существование многих небес, составляющих концентрические сферы, с землей посередине. Эти сферы, вращаясь около земли, увлекали за собою звезды и планеты, которые находились в их области. Эти фантазии происходили от недостатка научных астрономических знаний и были приняты всеми древними теогониями, считавшими эти, этажами расположенные небеса, местонахождением духов, представлявшими различные степени блаженства: последнее, наивысшее, небо было местом наивысшего блаженства. Всех их насчитывалось семь, потому выражение «быть на седьмом небе» означало наивысшее счастье. Мусульмане насчитывают их девять также с повышающимся блаженством. Астроном Птолемей насчитывал их одиннадцать; последнее называлось *эмпиреем*, потому, что там распространен ослепительный свет. Это поэтическое название и в настоящее время дается вечной славе и блаженству.

Христианское богословие признает три неба: 1-е – область воздуха и облаков; 2-е – пространство, где движутся звезды, и 3-е – выше области звезд есть жилище Всевышнего и местопребывание избранных, которые созерцают Бога лицом к лицу. Поэтому говорят, что св. Апостол Павел был вознесен на третье небо.

2. Различные ученые, касающиеся места пребывания блаженствующих, основываются на двойном заблуждении: 1) что Земля есть центр вселенной и 2) что область звезд ограничена. И вот над этой-то областью звезд и поместили жилище Всевышнего и счастливейших духов. Странная аномалия: поместить Создателя всего мира, Того, Кто управляет всем, на краю своего создания, вместо того, чтобы *Ему находиться в центре*, откуда Его мысль могла бы распространяться на всех.

3. Наука с неопровержимой логикой наблюдений и доказательств проникла в глубину пространства и доказала ничтожество и ошибочность этих теорий. Земля, мы это уже знаем, не есть центр мира, но одна из самых незначительных планет, движущихся в беспредельном пространстве; само Солнце есть только центр движения немногих планет; звезды – это бесчисленные солнца, вокруг которых вращаются мириады миров, отделенные друг от друга необъятным пространством, хотя они и кажутся нам соприкасающимися. В этом целом, управляемом вечными законами, выражающими премудрость и всемогущество Создателя, Земля есть едва заметная точка и наименее удобная для обитания.

Тут является вопрос: почему Бог создал Землю единственным пребыванием живых существ и поместил на ней свои любимейшие создания? Конечно, это не так. Напротив, все подтверждает, что жизнь – повсюду и что человечество так же необъятно, как и миры. Наука открыла нам существование миров, подобных Земле, и, конечно, Бог сотворил их с определенной целью и населил их существами, способными управлять этими мирами.

4. Идеи человека зависят от того, что он знает; как все великие открытия, открытие строения миров должно было дать новое направление мысли. Под влиянием этих новых знаний, верования должны были измениться, переместился и рай. Область звезд оказалась беспредельной, и раю не осталось места во вселенной. Так где же он? На этот вопрос все религии безмолвствуют и не дают ответа.

Спиритизм же разрешает его указанием на настоящее назначение человека. Его природа и свойства Божества, взятые точкою отправления, как от известного к неизвестному, приводят к определенному заключению путем логического вывода, не говоря уже о непосредственных наблюдениях, доставляемых спиритизмом.

5. Человек состоит из тела и духа; дух есть главное, разумное существо; тело же – материальная оболочка, которая временно облекает дух для выполнения его назначения на земле

и для трудов, необходимых для его преуспевания. Тело изнашивается и разрушается. Дух же переживает это разрушение. Без духа тело есть инертная материя; дух же без тела – все: жизнь и разум. Покидая тело, дух возвращается в духовный мир, откуда он пришел, чтобы воплотиться. Итак, существует мир телесный, состоящий из воплощенных духов, и мир духовный, состоящий из невоплощенных духов. Существа телесного мира, уже по составу своей телесной оболочки, привязаны к земле или какой-нибудь другой планете; духовный же мир – везде, вокруг нас и в пространстве, для него не существует границ и нет преград. Вследствие флюидического состава их оболочки духи, вместо того, чтобы с трудом передвигаться по поверхности земли, с быстротою мысли пролетают пространство. Смерть тела освобождает души от тесных уз, держащих их как бы в плену.

6. Духи созданы несведущими и простыми; но им дана способность, вследствие свободы воли, приобретать познания и совершенствоваться. Совершенствуясь, духи приобретают новые познания, новые способности, новые понятия и, как результат этого, новые радости, не известные низшим духам: они видят, слышат, чувствуют и понимают то, что остальные духи не могут ни видеть, ни слышать, ни чувствовать, ни понимать. *Счастье соответствует прогрессу и развитию*: так, из двух духов один будет менее счастлив, чем другой, единственно потому, что он меньше развит как умственно, так и нравственно; но для этого им не нужно быть разделенными и находиться в разных местах: они могут быть рядом; но в то же время один будет находиться во мраке, тогда как для другого все будет сиять беспредельным светом. Так, слепой и зрячий могут быть вместе, и один будет видеть свет, который на другого не произведет никакого впечатления. *Счастье духов – неразделимо с достоинствами, которыми они обладают; они получают это счастье везде: на поверхности земли, между воплощенными и в пространстве.*

Обыденное сравнение лучше объяснит нам это положение. Если на концерте присутствуют два слушателя, один – хороший музыкант с развитым, тонким слухом, а другой – не знающий музыки и не обладающий музыкальным ухом, то первый будет испытывать наслаждение, а второй останется совершенно нечувствительным к удовольствию, которого он не в состоянии постичь и которое не производит на него никакого впечатления. То же и со всеми наслаждениями духов, которые всегда соответствуют способности их восприятия. *Мир духовный везде богат блеском, гармонией и чувствованиями, которых низшие духи, еще подверженные влиянию материи, даже не подозревают и которые доступны только высшим духам.*

7. Возвышение духов есть плод их собственных трудов; но так как они свободны, то они и работают над своим совершенствованием более или менее деятельно или небрежно, в зависимости от своего желания. Этим они ускоряют или замедляют свое возвышение, а следовательно, и свое счастье. Пока одни быстро подвигаются вперед, другие могут долгие века коснеть в низших разрядах духов. Таким образом, они сами виноваты в своем счастливом или несчастном положении, по словам Иисуса Христа, «каждому – по делам его!» Всякий дух, остающийся позади, может жаловаться только на себя; также и возвышающийся бывает обязан своими успехами только самому себе: завоеванное им самим счастье имеет в его глазах двойную цену.

Высшее блаженство есть удел духов совершенных, иначе сказать, *чистых души*. Они достигают этого только после усиленных совершенствований, как в умственном, так и в нравственном отношении. Но прогресс ума не всегда идет об руку с моральным прогрессом, и чего дух не мог достичь в одно время, он исполняет в другое, так что прогресс и в одном и в другом в конце концов достигнет одинакового уровня. Вот причина, почему мы часто видим людей умных и ученых, но очень малонравственных, и наоборот.

8. Воплощение необходимо для двойного прогресса духа, морального и интеллектуального: для развития ума нужна деятельность, называемая необходимостью труда на земле; а моральный прогресс приобретается потребностью общения с себе подобными. *Общественные отношения – вот пробный камень всех добрых и дурных наклонностей.* Доброта, злость,

кротость, жестокость, добродушие, милосердие, эгоизм, скупость, гордость, смирение, искренность, откровенность, честность, недобросовестность, одним словом, все качества, которыми отличается хороший или безнравственный человек, имеют побудительной причиной, целью и средством отношения человека к человеку, т. е. к себе подобному; если бы человек жил один, то не имел бы ни добродетелей, ни пороков, так как, избегая зла в уединении, он не осуществлял бы и добро.

9. Одного существования во плоти недостаточно для того, чтобы дух мог приобрести все то, чего ему недостает, и отделаться от того, что в нем дурно. Может ли, например, дикарь в одно воплощение достичь умственного и нравственного уровня образованного европейца? Это физически невозможно. Неужели же он должен вечно оставаться невежественным варваром, лишенным радостей, доставляемых только просвещением? Простой здравый смысл отвергает подобное предположение, как отрицающее не только справедливость и благодать Творца, но и закон прогресса в природе. Вот почему Бог, Всеблагий и Всесправедливый, дает духу человека столько существований, сколько их нужно, чтобы достичь совершенства. В каждое новое воплощение душа приносит с собою все то, что она приобрела в предшествующем, как в способностях и интуитивных знаниях, так и в умственном, и в нравственном развитии. Таким образом, каждое новое существование есть шаг вперед по пути к прогрессу.

Воплощение присуще только несовершенным духам и уже не нужно тем, кто переступил определенный предел и совершенствуется в состоянии духовном или же воплощается в мирах более совершенных, т. е. в таких, которые не имеют уже земной материальности. Для таких духов воплощение есть добровольная миссия, которую они самоотверженно принимают на себя, чтобы непосредственнее действовать на воплощенных на этой земле.

10. В промежутках между телесными существованиями дух возвращается на более или менее продолжительное время в мир духов, где он пользуется или не пользуется счастьем, в зависимости от добра или зла, которое он совершил на земле. Духовное состояние в мире духов есть нормальное назначение души, так как в конце концов она должна будет пребывать в нем вечно. Тело духовное не умирает, тогда как телесное состояние временно и скоротечно.

В этом духовном состоянии преимущественно и пожинают плоды совершенствования и трудов, понесенных во время воплощения; тогда же дух снова готовится к борьбе и принимает новые решения, которые старается осуществить, возвратясь к земной жизни.

Дух может развиваться и в блуждающем состоянии, когда он собирает сведения и черпает знания, которых не мог приобрести на земле. Он обдумывает свои понятия и изменяет прежние взгляды. Оба эти существования, телесное и духовное, служат для него источником двойного, но стремящегося к одной цели, прогресса; вот почему он поочередно переходит из одного рода существования в другое.

11. Перевоплощение может осуществляться как на земле, так и на других планетах. Среди миров есть и более совершенные, где существование менее тягостно, чем на Земле, в физическом и нравственном отношениях, но туда допускаются только духи, достигшие определенной степени совершенства, соответствующей состоянию этих миров.

Жизнь в высших мирах есть уже награда, так как там люди избавлены от страданий и превратностей, которым мы подвергаемся здесь, на Земле. Тела там менее материальны, почти флюидичны, не подвержены болезням и немощам и не испытывают земных потребностей. Так как злых духов там нет, люди живут там в мире, имея только одну заботу о своем совершенствовании. Там царит истинное братство, потому что нет эгоизма; истинное равенство, потому что нет гордости; настоящая свобода, потому что нет надобности водворять порядок; нет властолюбцев, желающих угнетать слабых. В сравнении с Землей эти миры настоящий рай, это станции на пути к прогрессу и совершенствованию. Земля, как низший мир, предназначена для очищения духов несовершенных, и в этом причина, по которой на ней царит зло, пока Богу

не будет угодно переменить ее назначение и сделать из нее местопребывание более совершенных духов.

Таким образом, дух, постепенно возвышаясь по мере своего развития, доходит до высшего блаженства; но, прежде чем он дойдет до высшей точки совершенства, он наслаждается счастьем, доступным его развитию. Так ребенок пользуется радостями первого детства, молодой человек – удовольствиями юности, а зрелый возраст имеет свои, более солидные развлечения.

12. Блаженство счастливых духов состоит не в созерцательном бездействии, которое было бы вечной и скучной бесполезностью; напротив, духовная жизнь на всех своих ступенях представляет постоянную деятельность, но деятельность неутомительную. Наивысшее счастье заключается в радостном восхищении красотами творения, которых ни один человеческий язык не в состоянии передать и никакое воображение постичь; в познании *всего*, в отсутствии всяких физических и моральных страданий; в полном внутреннем удовлетворении и в ясном спокойствии души; в чистой любви, объединяющей всех; и, в довершение всего, в созерцания Бога и в постижении Его тайн, открытых наиболее достойным. Оно состоит также в исполнении возложенных и радостно принятых обязанностей. Чистые духи – это Мессии, или посланники Божии для передачи и исполнения Его велений; они исполняют великие миссии, руководят строением миров и общей гармонией вселенной; только наиболее возвышенные из них посвящаются в тайны Божий, вдохновляются Его мыслью и служат Его прямыми представителями.

13. Введение духов бывает пропорционально их возвышенности, их способностям и просвещению, их опытности и степени доверия к ним Господа. Тут нет привилегий, нет милости и снисхождения помимо истинных заслуг, все распределено со строжайшей справедливостью. Наиболее важные миссии поручаются по воле Бога только тому, кто в состоянии их выполнить и не способен их исказить или изменить. Под руководством Самого Господа наиболее достойные составляют верховный совет и передают распределение движению планет и различных миров. Затем идут в порядке совершенства и иерархии такие духи, преимущества которых более ограничены; их задачу составляют покровительство над семьями и отдельными личностями, наблюдения за жизнью народов или за явлениями природы до мельчайших тайн творения. В этом громадном целом есть занятия для всех способностей, для всех желаний; занятия, принимаемые с радостью и горячо просимые, потому что они дают возможность возвыситься тем, кто этого желает.

14. Рядом с великими миссиями, порученными чистым духам, есть еще различные по степени важности поручения, которые даются духам всех степеней, и каждый из них имеет свою обязанность и исполняет ее для блага других; таким же образом и воплощенные духи должны иметь свои обязанности, начиная с отца семейства, который должен заботиться о совершенствовании своих детей, и заканчивая гением, который награждает общество произведениями своего таланта. В этих-то второстепенных миссиях часто встречаются такие духи, которые не в силах довести до конца свою задачу и отказываются ее исполнить, чем, конечно, вредят более всего себе самим, а не общему делу.

15. Так все разумные существа, на какой бы ступени возвышения они ни стояли, по мере своих сил способствуют общему делу – одни в воплощенном состоянии, другие в состоянии бесплотных духов. Все деятельны, все приобретают познания, помогают друг другу и протягивают один другому руку помощи для достижения высшего совершенства.

Таким образом устанавливается солидарность между миром духовным и телесным, иначе сказать, между людьми и духами; духами свободными и духами не свободными. Так устанавливаются и укрепляются взаимные отношения, истинные симпатии, святыя привязанности.

Везде жизнь и движение: нет в беспредельности ни одного незаселенного уголка, ни одной области, по которой не проносились бы легионы лучезарных существ, остающихся невидимыми для грубых материальных чувств, но восхищающих и радующих души, освобожден-

ные от материи. Наконец, везде есть относительное счастье, для каждого исполненного долга, для каждого совершенства; каждый носит в себе зачаток своего счастья. Счастье зависит от личных свойств духа, а не от материальной среды, в которой он находится; следовательно, оно всегда там, где есть духи, способные быть счастливыми, и нет такого специально ему предназначенного места на свете. В каком бы месте они ни находились, чистые духи могут всегда созерцать Божественное величие, потому что Бог везде.

16. Тем не менее, счастье не должно быть эгоистично; если бы им пользовались только для себя, если бы его не могли разделять с другими, оно было бы печально и эгоистично, тогда как оно должно состоять в общности мыслей, соединяющей симпатизирующие существа.

Счастливые духи привлекаются один к другому однородными чувствами, вкусами, мыслями и составляют обширные, однородные группы и семейства, в лоне которых каждый индивидуум сияет своими качествами и проникается благородными и спокойными лучами, исходящими из целого. Члены этих обществ то рассыпаются для исполнения своих миссий, то собираются все вместе на какой-либо точке пространства, чтобы поделиться результатами своих трудов или соединиться вокруг духа высшего порядка и выслушать его мнение или наставление.

17. Хотя духи находятся везде, но они преимущественно любят собираться на обитаемых мирах из-за сходства между ними и существами, их населяющими. Вокруг миров совершенных царят духи высшего порядка; вокруг же отсталых, в числе которых считается и наша Земля, преобладают низшие духи. Таким образом, каждая планета, или мир, имеет свое особенное население в виде воплощенных и бесплотных душ, которые и пополняются по большей части воплощением и освобождением одних и тех же духов. В мирах низших это население малоподвижно и тяжело; в высших оно легко и воздушно, так как менее связано материей. Но, к счастью, из миров счастливых духи иногда отрываются и летят в низшие, чтобы посеять там семена прогресса, принести утешение и надежду, поднять утраченные испытаниями жизни силы, а иногда воплотиться там, чтобы удобнее и целесообразнее исполнить свою миссию.

18. Но где же в этом беспредельном пространстве рай, или небо? Оно везде, ему нет предела: счастливые миры его – последние станции, куда добродетели прокладывают путь, а пороки преграждают доступ.

Рядом с этой грандиозной картиной, показывающей, как населены все уголки мира и объясняющей причину и цель существования всех творений, каким мелким и ничтожным кажется учение, сосредотачивающее все человечество на одном неприметном пункте пространства. Оно показывает нам это человечество, начинающимся в определенный момент и оканчивающимся в один день с носящим его миром, т. е. длящимся не более одного мгновения в вечности! Как печальна, безнадежна и холодна картина остального мира *до, во время и после* земного существования человечества – мира без жизни, без движения, как беспредельная пустыня, погруженная в безмолвие! Как неутешительно изображение небольшого числа избранных, посвященных постоянному созерцанию, тогда как наибольшее число существ приговорено к вечному мучению! Как тяжелы для любящих сердец эти преграды, поставленные между живыми и мертвыми! Говорят, что счастливые души думают только о своем счастье, а несчастные – только о своем страдании. Тогда нет ничего удивительного в том, что эгоизм царствует на земле, если он существует даже на небе. Как узко подобное понятие о величии, могуществе и благодати Божией!

Насколько же выше и величественнее учение спиритизма! Насколько оно расширяет идеи и возвышает мысли!

Но верно ли оно? Чем оно подтверждается? Во-первых, рассудком, во-вторых, – откровением и, наконец, согласием его с наукой и прогрессом. Из двух учений, где одно умаляет, а другое возвеличивает Бога, где одно в разногласии, а другое в согласии с прогрессом, одно отстает, а другое подвигается вперед – здравый смысл должен выбрать и указать, на чьей сто-

роне истина. Пусть же каждый взвесит и в тайнике своей души решит этот вопрос, и внутренний голос ответит ему. Голос же этот и тайное стремление души есть голос Божий, который не может обмануть человека.

19. Почему же в таком случае Бог с самого начала не открыл людям всей истины? По той причине, по которой детям не преподают того, чему учат взрослых. Ограниченное откровение было достаточно для человечества в продолжение определенного периода существования: Бог приравнивал его к силам духов. Духи, получающие теперь более полное откровение, – все те же духи, которые прежде уже получали частичное откровение, но с тех пор они выросли в умственном отношении.

Прежде, чем наука открыла людям живые силы природы, образование планет, настоящее строение земли, могли ли бы они понять бесконечность пространства и множественность миров? Прежде, чем геология доказала состав и образование Земли, как могли бы они не верить в существование ада в недрах ее и понять аллегорический смысл шести дней творения? Прежде, чем астрономия открыла законы, управляющие вселенной, могли ли бы они понять, что нет ни верха, ни низа в пространстве и что рай не над облаками и не ограничен областью звезд? Прежде развития психологических наук могли ли бы они освоиться с идеей о духовной жизни и постичь счастливую или несчастливую жизнь после смерти иначе, как в определенном месте и в материальной форме?

Конечно, нет; они все воспринимали, скорее, чувствами, чем мыслью, и мир был слишком обширен для них. Пришлось сузить его, чтобы ввести в рамки их понятий с тем, чтобы впоследствии вновь расширить эти границы. Частичное откровение имело свою пользу и было мудро тогда, но теперь оно недостаточно; и не правы те, кто не хочет считаться с успехами мысли и думает взрослых и зрелых людей водить на детских помочах. (См. Евангелие в разъяснении спиритизма, гл. 3.)

Глава 4. Ад

Предчувствие будущих наказаний

1. Во все времена человек верил в счастливую или несчастную будущую жизнь в связи с тем добром или злом, которые он совершил на земле; только понятия, которые он имел о будущих наказаниях, всегда зависели от степени его развития и от тех представлений, которые он создавал себе о добре и зле; таким образом, награды и наказания являлись отражением преобладающих в нем инстинктов. Например, народы воинственные видели высшее блаженство в почестях, воздаваемых храбрости; охотничьи племена – в изобилии дичи; народы чувственные – в удовольствии сладострастия. Пока в человеке будет преобладать материя, у него будет самое поверхностное понятие о духовности; вот почему он составляет себе о будущих наградах и наказаниях более материальное, чем духовное представление; он воображает, что на том свете должны есть и пить, но гораздо вкуснее и лучше, чем на земле.² С течением времени появляется в верованиях о будущей жизни смешение духовности с материальностью: так, рядом с созерцательным блаженством помещают картину ада с физическими мучениями.

2. Понимая только то, что он видел, первобытный человек естественно представлял себе будущее таким, как настоящее; чтобы понять нечто иное, ему нужно было умственное развитие, каким он не обладал. Так, картина, которую он составлял себе о наказаниях в будущей жизни, есть только отражение бедствий, которые испытывало человечество, но в более ярких красках. Он соединял вместе все муки, все терзания, все огорчения, какие только встречал на земле: так, в жарком климате он представлял себе ад огненный, а в холодном – ледяной. Чувство, которое позднее должно было открыть ему мир духовный, было еще не развито, и он не мог понять иных мучений, кроме физических; вот почему в религиях всех стран ад изображается почти одинаково.

Христианский ад как подражание аду языческому

3. Ад язычников, описанный и драматизированный поэтами, есть грандиозный образец, которому подражает и христианский ад, также нашедший своих песнопевцев. Сравнивая их, находим, за исключением имен и некоторых вариантов, многочисленные аналогии: например, как в том, так и в другом материальный огонь есть основа всех мук, символ самых жестоких страданий. Но странно, что христиане во многих отношениях превзошли свой образец. Язычники в бочке Данаид, в колесе Иксиона, в Сизифовой скале имели индивидуальные наказания; в христианском же аде для всех без разбора – одни пылающие жаровни и котлы, крышки которых приподнимаются ангелами, чтобы видеть страдания осужденных;³ и Бог без сожаления в течение веков слушает вопли осужденных и не прощает их. Язычники никогда не описывали жизни обитателей Елисейских полей, сопутствуемой тяжелыми муками Тартара.⁴

4. Как и язычники, христиане имеют царя ада, сатану, с тою только разницей, что Плутон управлял темным царством, которое ему было дано во власть, но сам не был зол; он удерживал у себя тех, кто худо поступал, потому что это была его обязанность, но он не старался

² Маленький савояр, которому священник описывал заманчивую картину будущей жизни, спросил его, все ли они там едят белый хлеб, как в Париже?

³ Проповедь, произнесенная в Монпелье в 1860 году.

⁴ Праведные, не оставляя занимаемых ими мест, могут иногда, благодаря духовной опасности, созерцать на расстоянии муки ада; и, видя их, не только не испытывают печали и сострадания, но в избытке радости прославляют Бога за свое собственное блаженство, в то время как нечестивые переживают невыносимые мучения. – Св. Фома Аквинский.

вовлечь людей во зло, чтобы доставить себе удовольствие видеть их мучения; тогда как сатана разыскивает себе жертв, которых потом с удовольствием заставляет мучить: легионы демонов, вооруженные вилами, переворачивают их в огне. Немало обсуждались даже и свойства этого огня, который горит, но не сжигает тела осужденных... Возникал даже вопрос – не есть ли это огонь горящей смолы.⁵

Итак, христианский ад ни в чем не уступает аду языческому.

5. Те же соображения, которые у древних народов определяли место блаженства, указывали также и место наказаний; поместив первое на высоте, естественно было вообразить второе внизу, в глубине, т. е. в центре земли, к которому, как думали, вели некоторые страшные и темные пещеры, служившие входами... Так же точно представляли себе ад и христиане. Отметим по этому поводу еще одну аналогию.

Языческий ад заключал с одной стороны – Елисейские поля, рай, а с другой – Тартар, ад. Олимп же, местопребывание богов и обоготворенных людей, находился в высоких областях. По букве Евангелия, Иисус Христос *сошел* в ад, т. е. вглубь, вниз, чтобы извлечь оттуда души праведников, которые ожидали там Его пришествия. Стало быть, ад не был исключительно местом наказания; как и у язычников, он был в местах низких, внизу. А местопребывание ангелов и святых, или рай, было наверху: его поместили выше области звезд, предполагая область эту ограниченной.

6. Эта смесь христианских понятий с идеями языческими не представляет ничего удивительного. Христос не мог внезапно уничтожить укоренившиеся верования; а людям недоставало необходимых знаний, чтобы понять необъятность пространства и нескончаемое число миров. Землю они считали центром вселенной, не знали ни ее формы, ни внутреннего строения; все было ограничено в их глазах, и понятия их о будущности не могли простирались далее их познаний. Иисусу Христу было невозможно открыть им настоящее положение вещей; но в то же время, не желая Своим авторитетом санкционировать укоренившиеся предрассудки, Он воздержался от объяснений, предоставив времени исправлять заблуждения. Он ограничился тем, что смутно указывал как на счастливую жизнь, так и на возмездие, ожидающее виновных; но нигде в Его поучениях мы не находим ужасных картин телесных мучений, из которых христиане сделали догмы веры.

Вот как языческая идея ада сохранилась до наших дней. Нужно было распространение просвещения и повышение общего умственного уровня человечества для того, чтобы избавиться от нее. Но так как ничто положительное не явилось на смену устарелых заблуждений, то за долгим периодом слепой веры, как переходная ступень, последовал период неверия, которому новые откровения должны положить предел. Надо было разрушить старое, прежде чем строить новое, потому что легче принять истину тем, кто ни во что не верит, но чувствует, что ему не хватает чего-то, чем имеющим крепкую веру в абсурд.

7. Определяя место для неба и ада, христианские исповедания вынуждены были принять только два крайних положения душ: полное блаженство или абсолютное страдание. Чистилище есть только промежуточное мимолетное положение, по выходу из которого души сразу переходят в блаженное состояние; иначе и не может быть при веровании в окончательную судьбу души после смерти. Если существует только два местопребывания душ блаженных и отверженных, без переходных ступеней, которые давали бы возможность подниматься, т. е. совершенствоваться, то не существует прогресса; если же можно совершенствоваться, то нет определенной судьбы за гробом. Христос решает этот вопрос, когда говорит: «В доме Отца Моего обителей много».⁶

⁵ Проповедь, произнесенная в Париже в 1861 г.

⁶ Евангелие в разъяснении спиритизма. Глава 3.

Преддверие рая

8. Церковь допускает, правда, известные исключения в некоторых особенных случаях. Дети, умершие в раннем возрасте, не сделавшие ничего дурного, не могут быть обречены на вечные мучения; с другой стороны, не сделав также и добра, они не имеют права на высшее блаженство, тогда, говорит церковь, они находятся в преддверии Рая, в положении среднем, которое никогда не было точно определено и в котором, не подвергаясь страданию, они все-таки не пользуются и полным блаженством, а так как участь их решена окончательно, то они навеки лишены этого блаженства. Это лишение, совершенно не зависевшее от их воли, равняется вечному и незаслуженному наказанию. То же самое и по отношению к диким народам: они не получили благодати святого крещения и света религии; они грешат по неведению и, предаваясь своим природным инстинктам, не могут быть ни правы, ни виноваты. Простая логика, во имя правосудия Божия, отвергает подобную доктрину. Правосудие и справедливость Божия заключаются в словах Христа: «Каждому по делам его»; но тут надо понимать: добрые или злые дела, совершаемые свободно и сознательно, и есть те дела, за которые только и можно нести ответственность; а не такие, какие совершаются детьми или дикарями.

Изображение языческого ада

9. Мы знакомы с языческим адом только по описанию поэтов: Гомер и Вергилий оставили нам подробное поэтическое изложение этих верований; но стихотворные формы имеют свои требования и с ними следует считаться в их описаниях. Фенелон в своем «Телемаке», исходя из тех же источников, отличается более определенной и простой прозаической формой. Описывая мрачный вид этих мест, он старается определить род страданий, которым подвергаются виновные; в особенности же он останавливается на участии злых правителей, имея в виду своего царственного воспитанника. Как ни популярно это произведение, но, вероятно, не многие помнят его хорошо или достаточно вникают в него, чтобы сравнивать его с другими; а потому мы считаем полезным воспроизвести те его части, которые имеют наибольшее отношение к предмету, нами трактуемому, т. е. индивидуальной ответственности или личной наказуемости.

10. «Войдя, Телемак услышал вопли не могущей утешиться тени. „В чем ваше несчастье? – спросил он. – Кто вы были на земле?“ „Я был, – отвечала ему тень, – Навохарзан, великий царь Вавилонский; все народы Востока трепетали при одном моем имени; я приказал поклоняться себе в мраморном храме, под видом золотой статуи, перед которой день и ночь сожигали фимиамы и курились драгоценные благовония Эфиопии; никто никогда не смел мне противоречить из страха немедленного наказания; ежедневно придумывали мне новые удовольствия, чтобы украсить мою жизнь. Я был молод и здоров; увы! сколько бы еще благополучия и радостей я мог испытать на престоле. Но женщина, которую я любил, заставила меня почувствовать, что я не бог; она не любила меня и я был отравлен ею. И вот я ничто. Вчера торжественно положили мои останки в золотую урну; плакали, рыдали, рвали на себе волосы, делали вид, что хотят броситься в огонь, чтобы сгореть вместе с моим телом; и еще будут рыдать у подножия моей великолепной гробницы; но никто обо мне не жалеет; память моя ненавистна даже в моей семье, а здесь я уже переношу самые ужасные оскорбления“. Телемак, тронутый этим заявлением, говорит ему: „Были ли вы действительно счастливы во время вашего царствования? Чувствовали ли вы тот мирный, безмятежный покой, без которого сердце иссыхает, хотя бы среди наслаждений?“ „Нет, – ответил вавилонянин, – я даже не понимаю, о чем вы говорите. Мудрецы, правда, хвалят этот покой как единственное блаженство; но я его никогда не испытывал; сердце мое вечно волновалось новыми желаниями, опа-

сениями и надеждами. Я старался забыть, разжигая свои страсти и поддерживая их опьянение, чтобы оно не прекращалось: малейший просвет рассудка был бы для меня слишком тяжел и горек. Вот мир и покой, которым я пользовался; всякий иной представляется мне басней или сном; вот те радости, о которых я сожалею!» Отвечая так, вавилонянин плакал, как трус, изнеженный излишеством и не привыкший переносить продолжительное несчастье. Около него находилось несколько рабов, которых умертвили в его честь на его похоронах; Меркурий передал их всех вместе Харону и дал полную власть рабам над своим царем, которому они служили на земле. Эти тени рабов не боялись больше тени Навохарзана; они держали его в оковах и заставляли переносить тяжкие оскорбления. Одна из теней говорила ему: „Разве мы не были такими же людьми, как и ты? Как же ты мог думать, что ты бог? Не следовало ли тебе вспоминать, что ты также принадлежишь к роду человеческого?“ Другая тень, чтобы оскорбить его, говорила: „Ты был прав, не желая, чтобы тебя считали за человека, так как ты урод, не имеющий ничего человеческого. Где же теперь твои льстецы? Тебе нечего больше давать, несчастный; ты не можешь больше делать зла; ты стал рабом своих рабов; боги медлят с правосудием; но в конце концов произносят свой приговор“.

Слыша такие жестокие слова, Навохарзан бросился лицом на землю и рвал волосы в припадке злобы и отчаяния. Но Харон приказал рабам: «Тяните его за цепь, поднимите его силою, он не должен иметь возможности и утешения прятать свой позор, нужно, чтобы все тени Стикса были свидетелями его наказания и видели бы справедливость богов, терпевших так долго этого нечестивца царем на земле».

Телемак вскоре заметил на небольшом расстоянии мрачный Тартар; из него поднимался черный и густой дым, удушливый запах которого был бы смертелен, если бы распространился в жилищах живых. Дым этот покрывал море огня и исходил из пламени, шум которого напоминал рев потоков, низвергающихся с высоких скал в пропасть, и от этого шума невозможно было что-либо ясно слышать в этих печальных местах. Телемак, тайно поддерживаемый Минервой, безбоязненно входит в эту пропасть. Вначале он замечает множество людей, принадлежавших на земле к низшим сословиям и наказанных за то, что обманом, изменой и жестокостью старались приобрести богатство. Он также заметил много нечестивых ханжей и лицемеров, выказывавших свою приверженность религии и под ее прикрытием удовлетворявших свое властолюбие, пользуясь доверчивостью людей. Люди эти употребляли во зло даже добродетель и были наказаны, как самые последние злодеи. Дети, убившие родителей, жены, обогрившие руки в крови своих мужей, изменники, продавшие свою родину и нарушившие все клятвы, переносили менее жестокие наказания, чем эти вероломные лицемеры. Так постановили трое судей ада и вот почему: эти лицемеры не довольствуются быть только злыми, как все остальные нечестивцы; но они хотят еще прослыть добрыми и поэтому своими лживыми добродетелями вводят в обман людей, которые потом уже не доверяют истинной добродетели. И потому боги, над которыми они издевались, употребляют все свое могущество и власть, чтобы отомстить за свое оскорбление.

Затем следовали люди, которых на земле почти не считают преступными, но месть богов их преследует немилосердно; это были неблагодарные, лгуны, льстецы, восхвалявшие порок, хитрые хулители, желавшие запятнать даже чистую добродетель и, наконец, те, которые смело брались судить о вещах, им не известных, и тем вредили невинным.

Телемак, увидев трех судей, судивших человека, осмелился спросить у них, в чем его преступления. Тотчас осужденный заговорил сам и стал уверять, что он никогда не делал зла, а, напротив, находил удовольствие в добре: «Я был щедр, справедлив и сострадателен, в чем же меня обвиняют?» Тогда Минос сказал ему: «Тебя не обвиняют в преступлении против людей, но ты так же должен был относиться к богам; о какой же справедливости говоришь ты? Ты, правда, ни в чем не виновен перед людьми, которые сами по себе ничто; ты был по отношению к ним добродетелен; но добродетель эту ты приписывал самому себе, а не милости богов,

которые тебе ее дали; ты сам хотел пользоваться плодами своей добродетели и замкнуться в самом себе; ты сам себе поклонялся и сделал себя своим божеством. Но боги, сотворившие все для самих себя, не могут отказаться от своих прав; ты их забыл, они забудут тебя и передадут тебя самому себе, так как ты этого хотел. *Ищи же теперь, если можешь, утешения в своем собственном сердце.* Ты навсегда разлучен с людьми, которым ты так хотел нравиться; теперь ты один на один с собою, со своим кумиром; познай, что нет настоящей добродетели без поклонения и любви к богам, которым мы всем обязаны. Твоя ложная добродетель, которая так долго ослепляла легковверных людей, должна быть развенчана и уничтожена. Люди судят как о пороках, так и о добродетелях только по тому, насколько это их касается, но к добру и злу они слепы. Здесь же Божественный свет освещает все поверхностные суждения и очень часто осуждает то, чем люди восхищаются, и наоборот».

Слыша эти слова, ученый, будто пораженный громом, не мог сдержать своего отчаяния. Снисходительность, с которой он прежде смотрел на себя, на свои великодушные наклонности, на свое мужество и умеренность, превратилась в отчаяние. Вид собственного сердца, врага богов, сделался для него мучением; он смотрит на себя и не может отрешиться от этого зрелища; он видит суетность людского суждения, суждения тех, кому всю жизнь так желал нравиться. Происходит полный переворот всех его понятий, как будто все пред ним рушится: он не узнает сам себя, не находит опоры в собственном сердце; его совесть, такая спокойная прежде, теперь выступает против него и горько упрекает его в заблуждениях и преувеличении своих добродетелей, не имевших основанием и целью поклонение божеству. Он смущен, уничтожен, полон стыда, раскаяния и отчаяния. Фурии не терзают его, потому что с него довольно того, что он предоставлен самому себе и что его собственное сердце мстит ему за оскорбление богов. Он ищет самых уединенных и темных мест, чтобы скрыться от других мертвецов, не находя возможности скрыться от самого себя. Он ищет мрака и не находит; докучливый свет преследует его повсюду; везде пронизывающие лучи правды мстят ему за забвение истины! Все, что он любил, становится ему ненавистным, как источник муки, которая не может никогда прекратиться. Он восклицает: «О, безумец! Я никого не знал, ни людей, ни богов, ни самого себя; нет, я ничего не знал, потому что никогда не любил единственного и действительного блага; каждый шаг мой был заблуждением, моя мудрость – было безумие; моя добродетель – была гордость, нечестивая и слепая: я сам себе был кумиром!»

Наконец, Телемак увидел царей, осужденных за злоупотребление своею властью. Фурия-мстительница с одной стороны подставила им зеркало, в котором отражалось все безобразие их пороков; в нем они видели и не могли оторваться от зрелища своего грубого тщеславия, жаждавшего самых нелепых похвал; их равнодушие перед добродетелью; их жестокость к людям, которым они должны бы были благодетельствовать; их боязнь услышать истину; их пристрастие к людям подлым и льстивым; их нерадение; их слабость; их леность; их неуместное недоверие; их расточительность и чрезмерная роскошь, основанная на народном разорении и нищете; их гордость и желание приобрести, хотя бы ценою крови своих подданных, немного тщетной славы; наконец, жестокость, с которой они каждый день искали новых наслаждений, не стесняясь слез и отчаяния стольких несчастных. Они беспрестанно видели себя в этом зеркале и находили себя более ужасными и более чудовищными, нежели Химера, покоренная Беллерофонтом, хуже, чем Гидра, убитая Геркулесом, хуже даже Цербера, изрыгавшего из своих трех отверстых пастей черную ядовитую кровь, которая могла бы заразить всех смертных, живущих на земле. В то же время вторая Фурия с другой стороны повторяла им с оскорблениями все те похвалы, которые им расточали льстецы в продолжение их жизни, и подставляла им другое зеркало, где они отражались в том виде, как изображала их лесть. Противоположность этих двух изображений была мукой для их тщеславия. Заметно было, что самым злым из этих царей расточались самые усиленные похвалы в продолжение их жизни, так как злых бояться более, чем добрых, и они бесстыдно требуют самых подлых похвал и лести от поэтов

и ораторов своего времени. Слышны их стоны в глубоком мраке, где они ничего больше не видят и ничего не слышат, кроме оскорблений и насмешек. Их все отталкивают от себя, все им противоречат, все их стыдят, тогда, как на земле они забавлялись жизнью людей и полагали, что все существует для их услуг. В Тартаре они предоставлены в распоряжение своих рабов, которые, в свою очередь, заставляют их служить себе и жестоко с ними обходятся; и они служат с горечью, и нет им надежды когда-либо смягчить свою участь; под ударами своих рабов, сделавшихся их безжалостными палачами, они походят на наковальни под ударами молотов циклопов, когда Вулкан заставляет их работать в горячем горниле Этны.

Там Телемак увидел бледные, ужасные, отвратительные лица. Черная печаль гложет этих преступников: они противны сами себе и не могут избавиться от этого отвращения, как от своей природы; им не нужно другого наказания за их грехи, как эти самые грехи; они их постоянно видят во всем их безобразии, они их преследуют и постоянно представляются им как ужасные призраки. Чтобы избавиться от этих призраков, они ищут более полной смерти, чем та, которая уже отделила их от тела. В своем отчаянии они призывают на помощь смерть, которая могла бы уничтожить в них чувство, всякое сознание; они молят пропасти поглотить их, чтобы избавиться от мстительных лучей правды, которая их преследует. Правда, которую они боялись слышать раньше, составляет теперь их мучение; они видят ее постоянно, и вид ее их пронизывает, их разрывает; а она, как молния, ничего не разрушая снаружи, проникает в самую глубину их существа.

Среди тех ужасов, от которых у Телемака волосы подымались на голове, он увидел нескольких лидийских царей, наказанных за то, что они предпочитали сладость изнеженной жизни труду для блага народа, что должно быть неразлучно с царской властью. Цари эти упрекали и обвиняли один другого в слепоте. Один, отец, говорил другому, который был его сыном: «Не говорил ли я тебе во время моей старости и перед смертью, чтобы ты исправил зло, которое я совершил по нерадению?» – «Ах, несчастный отец, – отвечал сын, – ты-то меня и погубил! Твой пример заставил меня предаться гордости, роскоши, сладострастию и жестокости к людям! Видя тебя царствующим и живущим в такой изнеженной обстановке, окруженным подлыми льстецами, я привык любить лесть и удовольствия. Я предполагал, что все люди, должны быть в таких же отношениях к царям, как лошади и другие животные в отношении к человеку; т. е., что их ценят настолько, насколько они приносят пользы. Я так думал, и твой пример ввел меня в это заблуждение, а теперь я страдаю потому, что подражал тебе». К этим упрекам они присоединили ужасные проклятия и в ярости были готовы разорвать друг друга.

Вокруг этих царей носились, как совы ночью, тяжелые подозрения, тщетные тревоги, недоверие народа, который мстит королям за их жестокость, за ненасытное корыстолюбие и ложную славу, всегда тираническую и трусливую изнеженность, которая удваивает все страдания. Многие из этих царей были строго наказаны не столько за зло, которое они сделали, сколько за добро, которое должны бы были сделать, но не сделали. Все преступления, происшедшие от небрежного исполнения законов, были приписаны царям, которые, царствуя, должны наблюдать за исполнением законов. Им вменяли также в вину все беспорядки, порождаемые роскошью и расточительностью, раздражающими людей и приводящими их к незаконному желанию захватить чужую собственность.

В особенности же сурово обходились с теми царями, которые вместо того, чтобы быть добрыми пастырями своего народа, походили на волков, опустошающих стадо. Но что еще более удивило Телемака – это вид царей, считавшихся на земле довольно добрыми и все-таки приговоренных к мучениям Тартара за то, что допустили управлять собою людям злым и коварным. Они были наказаны теми мучениями, каким, в силу своей власти, допускали подвергать людей. Они не были ни злы, ни добры, и слабость их доходила до того, что они боялись услышать правду; они не любили истину и добродетель.

Картина христианского ада

11. Мнение богословов об аде излагается в следующих изречениях,⁷ которые почерпнуты из сочинений и житий святых отцов церкви и служат выражением ортодоксальной религии, постоянно повторяясь с церковных кафедр, как католических, так и евангелических исповеданий.

12. Демоны – это духи; а осужденные, находящиеся в настоящее время в аду, могут также считаться духами, потому что только душа их спускается туда; кости же их, превратившиеся в пыль, постоянно перерождаются то в растения, то в плоды, в минералы, в жидкости и, таким образом, проходят без их ведома различные стадии превращения материи. Но осужденные, как и святые, должны в последний день воскреснуть и воплотиться в то материальное тело, которое они имели, живя на земле. Различие между ними будет состоять в том, что избранные воскреснут и воплотятся в сияющие и чистые тела, а осужденные – в тела, оскверненные и обезображенные грехом. Таким образом, в аду будут не одни только духи, но и люди, подобные нам. Следовательно, ад есть место, физически определенное, материальное, и будет заселен земными существами, имеющими плоть и кровь, кости, руки, ноги и т. д. и нервы, способные испытывать страдание.

Где же местонахождение ада? Некоторые ученые поместили его внутри земли; другие же – на каких-то планетах; но ни один собор не решил этого вопроса. На этот счет остались одни предположения. Единственно, что утверждают, это, что где бы ад ни находился, он есть область, составленная из материальных элементов, но лишенная солнца, луны и звезд; самое печальное, самое бесприютное место, в котором нет ни крупинки, ни намека на добро, хуже самых ужасных мест того мира, в котором мы грешим.

Осторожные богословы не решаются описывать этот ад и все ужасы его, как египтяне, индусы или греки. Они ограничиваются только указанием на то, что говорится в святом писании, как-то: на реки огня, на серное озеро Апокалипсиса и на червей пророка Исайи, на червей, вечно копающихся в падали, на демонов, мучающих людей, которых они же погубили, и на людей, плачущих и скрежещущих зубами, как говорит Евангелие.

Св. Августин не допускает, чтобы эти физические страдания были только символами мук моральных. Он видит настоящую горящую серную реку, настоящих червей и змей, жалящих тела осужденных. Он утверждает, на основании одного стиха Евангелия св. Марка, что этот удивительный огонь, хотя совершенно материальный и подобный земному огню, действует на тела, как соль, т. е. сохраняет их; что эти осужденные, вечно мучающиеся, но вечно живые жертвы будут вечно чувствовать этот огонь, но не сгорать; он будет проникать под кожу до мозга костей, до зрачков глаз, до самых сокровенных фибр их существа... Если бы они могли опуститься в кратер вулкана, то он показался бы им местом отрады и покоя.

Так с полной уверенностью говорят самые скромные, самые умеренные богословы; они не отрицают, впрочем, что в аду есть и другие телесные муки; но только прибавляют, что не имеют достаточных знаний на этот счет; знаний столь определенных, как вышеуказанные описания огненных мук или терзаний посредством червей и змей. Но есть более смелые богословы, которые описывают ад подробнее, разнообразнее и полнее, и, хотя никто не знает, где находится этот ад, но есть святые, которые его видели. Они не спускались туда, как Орфей с лирой в руках или как Улисс с мечом, но переносились туда в виде духа, как, например, святая Тереза.

Судя по рассказам этой святой, нужно предполагать, что в аду есть города; она видела там ряд улиц, длинных и узких, как в древних городах. Когда она туда вошла, она должна была ступить на ужасно изрытую и вонючую дорогу, где пресмыкались отвратительные гады; но вдруг

⁷ Это извлечение взято из сочинения, озаглавленного «Ад», Августа Калле.

ей преградила путь стена, в которой находилось углубление или ниша, куда она и спряталась, сама не понимая, каким образом. Это, по ее словам, место, предназначенное ей, если бы она злоупотребила теми милостями, которые Бог посылал ей в ее келью в Авиле. Она каким-то чудесным способом проникла в эту нишу; но в ней нельзя было повернуться, ни стать, ни сесть, ни лечь, ни, еще меньше, выйти из нее; эта стена обхватила ее каменными объятиями и сжимала, как живая. Ей казалось, что ее душат, раздирают ее живую на клочки, что ее жгут, одним словом, она испытала ужасы всевозможных мук. На помощь не было надежды, все вокруг было покрыто мраком, и вместе с тем из этого мрака ясно выступала улица, по которой она шла, со всем ее отвратительным населением; вид для нее столь же невыносимый, как и самая темнота.⁸

Это был только маленький уголок ада. Другие духовные путешественники видели в аду большие города в огне. Например, Вавилон, Ниневию, даже Рим; все их дворцы и храмы, объятые огнем, и жителей в цепях, торговцев за прилавками; священников вместе с придворными в праздничных залах, вопиющих на своих креслах, с которых они уже не могли сойти, и подносящих к своим воспаленным губам чаши, из которых вылетало пламя; слуг, коленопреклоненных в кипящих клоаках, и князей, бросающих им золото, льющееся расплавленной лавой. Другие видели в аду бесконечные поля, возделываемые голодными крестьянами; на этих бесплодных полях ничего не выросло, и крестьяне пожирали друг друга; но столь же многочисленные, как и прежде, столь же голодные и худые, они расходились в пространство, тщетно отыскивая более счастливые места, и тотчас же заменялись другими, такими же голодными и страждущими. Иные видели в аду горы, изрезанные пропастями, стонущие леса, колодцы без воды, источники, наполняемые слезами, реки крови, снежные вихри в ледяных пустынях, лодки, наполненные охваченными отчаянием людьми, несущиеся по безбрежному морю, одним словом, видели все то, что изображали и язычники: это было плачевное отражение земли с непомерно увеличенными несчастьями, увековеченными естественными страданиями и даже тюрьмами, виселицами и орудиями пытки, приготовленными нашими собственными руками. Находились там и демоны, которые, чтобы лучше мучить людей, сами облекались в тела. Они имели крылья летучих мышей, рога, когти, чешую черепахи и острые зубы; нам показывают их вооруженными мечами, вилами, щипцами, пилами, тисками, мечами, дубинами, и они в продолжение целых веков, не переставая, возятся с человеческим телом, как повара или мясники. То они, превращенные в львов или огромных змей, тащат свои жертвы в уединенные пещеры; то превращаются в воронов, чтобы выклевать глаза у виновных, то в летучих драконов, уносящих грешников на своих спинах, кричащих, вопиющих, окровавленных, чтобы потом низвергнуть их в серные горящие озера. Вот тучи саранчи, гигантских скорпионов, вид которых ужасен, запах вызывает тошноту, легчайшее прикосновение производит судороги; вот страшные чудовища с раскрытой пастью, потрясающие гривами, раздробляющие своими челюстями осужденных, а потом извергающие их целыми, потому что они бессмертны.

Эти демоны своими формами напоминают богов Тартара и идолов, которых изображали финикийцы, моавитяне и другие язычники, живущие в соседстве с Иудеей. Эти демоны действуют не случайно; каждый имеет свое назначение и свое дело; зло, которое они творят в аду, находится в соотношении со злом, которое они внушали людям на земле.⁹

Осужденные испытывают наказание всеми своими чувствами и всеми органами, потому что согрешали всеми чувствами и всеми органами; так, обжоры будут наказываться демоном обжорства, лентяи – демоном лени, прелюбодеи – демоном блуда и т. д. столькими способами, сколько есть способов грешить. Они, сгорая, будут чувствовать холод, замерзая – изнемогать от жара; будут в одно и то же время жаждать отдыха и желать движения; вечно чувство-

⁸ Это видение носит определенный характер кошмара.

⁹ Странное наказание, состоящее в том, чтобы делать то же зло, но в большем размере, чем то, какое они делали на земле. Было бы разумнее заставить их самих терпеть это зло, чем позволять им делать его другим.

вать голод и жажду; испытывать усталость большую, чем раб к концу дня; болеть мучительнее умирающих; будут изломаны, избиты, покрыты ранами, как истинные мученики, – и это не кончится никогда.

Никогда ни один демон не откажется исполнять свою ужасную миссию; они все в этом отношении хорошо дисциплинированы и верно исполняют долг мести, принятый ими на себя; иначе что бы случилось с адом? Наказуемые отдыхали бы, пока их палачи ссорились бы между собою или сами отдыхали. Но нет отдыха одним, нет ссор между другими; как бы злы ни были и какое бы их ни было количество, они отлично понимают друг друга и действуют вполне согласно. Никогда не бывало на земле нации, более покорной своим властелинам, армии, более послушной своему начальнику, монастырской общины, более смиренной перед своим настоятелем.¹⁰

Мало известны низшие разряды, так сказать, плебеи, демонов, из которых составлены легионы вампиров, жаб, скорпионов, воронов, гидр, саламандр и других безымянных гадов, из которых состоит фауна адских областей. Но известны имена нескольких князей, повелевающих этими легионами, среди них: Бельфагор – демон сладострастия; Аббадон, или Аполлион, – демон убийства; Вельзевул – демон нечистых желаний и покровитель мух, порождающих тление; Мамон – демон скупости; Молох, Белиал, Ваалгад, Астарод и множество других и над ними – их всеобщий глава, мрачный архангел, который на небесах носил имя Люцифера, а в аду – Сатаны.

Вот вкратце описание ада, рассматриваемого с точки зрения физической природы и физических мучений, испытываемых там осужденными. Откройте писания отцов церкви и древних ученых; справьтесь с нашими благочестивыми легендами; посмотрите на статуи и картины наших церквей; прислушайтесь к тому, что говорится с кафедр, – и вы узнаете еще больше.

13. Автор сопровождает эти картины следующими размышлениями, важность которых всякому понятна:

Воскресение тела – есть чудо; но Бог совершает двойное чудо, давая этому мертвому телу, уже изношенному преходящими испытаниями жизни, возможность без разрушения противостоять огню в горниле, где расплавились бы даже металлы. Если бы сказали, что душа есть свой собственный палач, что Бог не преследует ее, а только покидает ее в несчастном положении, которое она сама себе избрала, это можно бы еще понять (хотя покинуть навек заблудшее и страдающее существо кажется несовместимым с благостью Создателя); но то, что говорится о душе и муках духовных, никак не может относиться к телу и телесным мукам. Чтобы продолжить до бесконечности эти телесные муки, недостаточно, чтобы Бог отвел руку Свою; нужно, наоборот, чтобы Он наложил ее, чтобы Он действовал, без чего тело не устоит и распадется. Богословы предполагают, что Бог и совершит после воскресения это второе чудо, о котором мы говорили. Он извлечет из могил наши бранные тела такими, какими они были туда положены с их прирожденными недостатками и повреждениями старости, болезни и порока, и Он отдаст их нам в этом состоянии, дряхлыми, больными, полными надежд, покрытыми всеми язвами, причиненными жизнью и смертью, и это – первое чудо; затем этим жалким телам, готовым рассыпаться в прах, Он придаст свойства, которых они никогда не имели и это – второе чудо. Он даст им бессмертие, тот самый дар, который Он в гневе своем (вернее, в милости) отнял у Адама при выходе его из Эдема. Когда Адам был бессмертен, он был неуязвим, а когда он перестал быть неуязвимым, он стал смертен.

¹⁰ Эти самые демоны, не покоряющиеся воле Божией, кротки и примерно послушны, когда нужно творить зло. Ни один из них не отступает и не медлит в течение вечности. Какое странное превращение совершилось с теми, кто был создан чистым и совершенным, как ангелы. Не странно ли видеть, что они подают пример полного единодушия и гармонии, тогда как люди не умеют жить в мире на земле и раздирают друг друга? Видя такую роскошь возмездия для отверженных и сравнивая их положение с положением демонов, невольно спросишь: кто более достоин сожаления, палачи или жертвы?

Итак, это воскресение наших слабостей с прибавлением еще новых, бесконечно более ужасных.

Как будто Бог передумал и, чтобы прибавить к душевным мукам муки телесные, которые могли бы длиться вечно, Он вдруг изменяет законы, Им Самим определенные от начала веков, воскрешает больные и истлевшие тела и соединяет их разрозненные элементы, сами собой готовые распасться. Против всех законов природы Он поддерживает вечную жизнь в этом живом разложении и бросает его в огонь, не для того, чтобы очистить, но чтобы сохранить его таким, как оно есть; и такую-то плоть, подверженную болезням, страдающую, горящую, ужасную, Он делает бессмертной!

Богу недостаточно было после смерти предоставить души их собственной, совести, раскаянию и тоске с сознанием потерянного счастья. По учению теологов, Бог будет разыскивать их в этой вечной ночи, на дне мрачной бездны не для того, чтобы утешить и успокоить их, но чтобы одеть в отрицательные, зараженные тела, которые никогда не уничтожатся; и тогда только покинуть их навсегда. Но... Он даже и не покинет их, так как ад так же, как небо и земля, существует, благодаря постоянному воздействию Его воли. И как только Он лишит его своей поддержки, ад неминуемо исчезнет. И так Его рука будет бесконечно находиться на осужденных, чтобы помешать прекращению огня и растрению их тел, желая, чтобы эти несчастные бессмертные продолжительностью своих мук способствовали назиданию избранных.

14. Мы не без основания сказали, что христианский ад превзошел ужасами языческий. Действительно, в Тартаре мы видим виновных, мучимых совестью, непрестанно видящих свои преступления и свои жертвы, напрасно бегущих от пронизывающего света и от взглядов, которые их всюду преследуют; гордость там принижена и наказана; все носят на себе печать своего прошлого; все наказаны своими же собственными прегрешениями; так что для некоторых достаточно, если они предоставлены собственной совести, и нет надобности прибавлять еще другие наказания. Но там – это тени, т. е. души в их флюидической оболочке, подобии их земного воплощения; они не приняли вновь своей телесной оболочки, чтобы страдать физически теми утонченными способами мучений, которые преимущественно составляют основание христианского ада. Там есть непреклонные, но справедливые судьи, которые назначают наказания пропорционально прегрешениям; тогда как здесь, в царстве сатаны, все перемешаны в общих мучениях; все основано на физической, материальной боли, а правосудие и справедливость упразднены.

В настоящее время, конечно, в самой церкви немало людей здравого смысла, не допускающих буквального толкования этого учения и видящих в нем аллегорию; но мнение их единично и не составляет закона. Учение о материальном аде, со всеми его последствиями, тем не менее, до сих пор составляет догмат веры.

Спросят, конечно, каким образом могли люди все это видеть в экстазе, если этого не существует. Но здесь не место объяснять все случаи и источники фантастических видений, появляющихся иногда со всеми признаками реальности. Мы скажем только, что экстаз наименее верный способ откровений,¹¹ потому что это крайнее возбужденное состояние не всегда бывает способно к столь полному отделению духа, как это кажется, и очень часто в нем отражается влияние предыдущего дня. Мысли, которыми проникнут ум и отпечаток которых сохраняется в мозгу или в периспиритной оболочке, воспроизводятся в усиленном виде, как мираже, перемешиваются, переплетаются и выражаются иногда в чрезвычайно странных образах. Исступленные всех религий всегда имеют видения того, во что они веруют; потому неудивительно, что Св. Терезия, проникшись идеей ада, каким ей его изображали, имела видения, которые на самом деле не что иное, как простые кошмары. Язычник, глубоко верующий, видел бы Тартар и Фурий, так же, как и Олимп, и Юпитера, держащего в руке своей громаы.

¹¹ Книга духов. № 443—444.

Глава 5. Чистилище

1. Евангелие нигде не упоминает о чистилище, которое признано церковью только в 543 году. Этот догмат, конечно, более рационален и более согласуется со справедливостью Божьей, чем ад, так как устанавливает менее суровые наказания, дает возможность искупления менее тяжких преступлений.

Идея чистилища зиждется на справедливости по сравнению с человеческим правосудием – это временное заточение, а не вечное осуждение. Что сказали бы о стране, которая не имела бы других наказаний, кроме смертной казни за все преступления без различия? Помимо чистилища, души имели бы только две альтернативы или два выбора: абсолютное блаженство или вечное мучение. По этой гипотезе, души, виновные только в ничтожных проступках, должны разделить блаженство избранных, не быв совершенными, или нести наказание наравне с великими грешниками, не сделав большого зла, что было бы несправедливо и неправильно.

2. Но понятие о чистилище, конечно, должно было быть неполно, и потому, не зная других наказаний, кроме огня, из него сделали нечто вроде ада; души там также горят, но в менее сильном огне. Так как прогресс или исправление душ не согласуется с вечным мучением, то души выходят оттуда не по своим заслугам, а силою молитв, приносимых за умерших или заказываемых о них за деньги. Если первая мысль и была хороша, то нельзя того же сказать о ее следствиях благодаря тем злоупотреблениям, которые она породила. Платные молитвы сделали чистилище более выгодным источником доходов, чем ад.¹²

3. Место чистилища никогда не было определено, а равно и характер его наказаний. Пробел этот предоставлено заполнить новому откровению, которое объяснило нам причину земных страданий, справедливость которых доказывает множественность существований. Эти страдания составляют необходимые последствия несовершенства души, так как, если бы душа была совершенна, то не грешила бы и не подвергалась последствиям греха. Человек воздержанный и умеренный во всем не испытывает болезней, происходящих от излишества.

Чаще всего человек несчастен по собственной своей вине, но если он не совершенен, то значит уже был таким до своего появления на земле; если он искупает свои настоящие прегрешения, то также и те, которые совершил в предыдущем существовании, и если терпит жизнь, полную испытаний, то это оттого, что заставил других терпеть то же самое в другой жизни. Превратности, которые он испытывает, служат временным испытанием и, вместе с тем, указывают на несовершенства, от которых он должен исправиться, чтобы избежать будущих несчастий и продвигаться по пути добра. Это для души – уроки жизненного опыта, иногда суровые, но тем более полезные для будущего, чем глубже впечатление, оставляемое ими. Эти превратности представляют случаи постоянной борьбы, которая укрепляет душу, развивает ее моральные и интеллектуальные силы, и душа выходит из них всегда победительницей, если только имеет мужество довести борьбу до конца. Награда за победу – жизнь духовная, в которую душа входит торжествующая и сияющая, как воин после одержанной победы.

4. Каждое существование есть для души шаг вперед, к совершенству; от человека зависит, чтобы этот шаг был по возможности велик, чтобы сразу переступить несколько ступеней и не топтаться на месте; в последнем случае он будет страдать без пользы; а так как, рано или поздно, нужно заплатить свой долг, то ему придется вновь начинать существование в условиях еще более тяжелых, к незаглаженным проступкам он прибавит еще новые. Таким образом, в последовательных воплощениях душа мало-помалу освобождается от своих несовершенств и очищается – до тех пор, пока не сделается достойной покинуть мир искупления для того, чтобы

¹² Чистилище породило скандальную торговлю индульгенциями, с помощью которых продавали право входа в рай. Эти злоупотребления были первою причиною Реформации и заставили Лютера отвергнуть чистилище.

переселиться в более счастливые миры, а потом и в высшие, в которых будет наслаждаться полным блаженством.

Итак, чистилище не есть смутная и неопределенная идея; это действительность, материальная реальность, которую мы видим и испытываем на себе; оно находится в мирах искупления, а земля есть один из этих миров; здесь люди искупают свое прошлое и настоящее в зачет будущего. Но, вопреки понятию, которое обыкновенно составляют себе о чистилище, всякий сам может сократить или продолжить свое пребывание там, в зависимости от успехов, которых он достигает, работая над своим совершенствованием; он возвысится не потому, что кончился срок его испытаний или молитвам других, а по причине собственных заслуг, согласно словам Иисуса Христа: «Каждому по делам его», словам, выражающим все правосудие Божие.

5. Тот, кто страдает в этой жизни, должен знать, что он заслужил это тем, что недостаточно очистился в прежней своей жизни, и если не сделает этого теперь, то должен будет страдать еще и в следующей жизни. Это вполне логично и справедливо. Страдания присущи несовершенству, как и болезни: страдают, пока длится болезнь или несовершенство, и до тех пор, пока не выздоровеют или не исправятся окончательно. Так, если человек горд, то он страдает от последствий гордости, если же эгоистичен – то от своего эгоизма.

6. Всякий виновный дух страдает прежде в жизни духовной. Потом ему дается жизнь телесная, как средство исправления. Вот почему он оказывается здесь, на земле, часто с такими людьми, которых он обидел в предыдущей жизни, и в обстоятельствах, подходящих или противоположных тому положению, в котором он грешил; например, он находится в бедности, если дурно пользовался богатством; в унижении – если был горд.

Искупление в мире духовном и на земле не составляет двойного наказания духа. Оно все то же, но продолжается на земле как дополнение, чтобы дать духу возможность улучшиться. От него зависит воспользоваться этой возможностью. Не лучше ли для духа возвратиться на землю, имея впереди возможность достичь лучшей жизни, чем быть осужденным безвозвратно, покинув ее? Эта свобода выбора, дарованная ему Богом, есть доказательство мудрости, благости и справедливости Божией. Бог хочет, чтобы человек был всем обязан самому себе, своим усилиям и был *сам строителем своего будущего*; если он, несчастлив более или менее продолжительное время, то винить в этом может только самого себя: путь к совершенству ему всегда открыт.

7. Если рассмотреть, как велики страдания некоторых преступных духов в невидимом мире, как ужасно положение некоторых из них, в каком они находятся страхе и насколько усиливаются их страдания от невозможности определить их окончание, то можно бы сказать, что это и есть ад, если бы это слово не выражало идею о вечном и материальном страдании. Благодаря откровению духов и примерам, которые они нам представляют, мы знаем, что продолжительность искупления зависит от степени исправления виновного.

8. Итак, спиритизм не отвергает будущих наказаний, а, напротив, подтверждает их. Он не допускает только физически определенного ада с горящими печами и непрощенными грехами. Но чистилища он не отрицает, так как доказывает, что мы сами в нем находимся; но он точнее определяет его, объясняя причины земных страданий и тем заставляя верить в него тех, кто раньше отрицал его.

Не отвергает ли спиритизм молитв за умерших? – Напротив: страждущие духи сами о них просят. Потому спиритизм ставит молитвы в обязанность милосердия и доказывает их необходимость для возвращения душ к добру и сокращения их мучений.¹³ Действуя на рассудок, спиритизм возвращает к вере неверующих и к молитве тех, кто над нею насмехается. Он говорит, что та молитва действительна, которая в сердце, а не только на словах; когда молишься сам, а не заказываешь молитву за деньги. Кто осмелится осуждать такое учение?

¹³ См. «Евангелие в разъяснении спиритизма». Гл. 27: «Действие молитвы».

9. Где бы ни происходило наказание, в жизни ли духовной или на земле, и сколько бы времени оно ни длилось, оно всегда будет иметь конец, более или менее близкий или отдаленный. В сущности, для духов существуют две альтернативы: временное наказание, соответствующее виновности, или награда, в зависимости от степени заслуг. Спиритизм не признает третьего вывода, т. е. вечного осуждения. Ад остается для него фигурой, символизирующей наивысшие страдания, срок которых неизвестен. Чистилище же есть действительность.

Слово *чистилище* создает понятие об определенном месте и более естественно прилагается к земле, как к месту искупления, чем к беспредельному пространству, где витают страждущие духи; да и по существу своему земная жизнь есть настоящее искупление. Когда люди будут совершеннее, из их среды будут переходить в незримый мир только добрые духи; и, в свою очередь, духи, воплощаясь, будут вносить в человечество только усовершенствованные элементы, тогда земля перестанет быть миром искупления и люди не будут больше страдать от нищеты и лишений, как прямых последствий своих несовершенств. В настоящее время происходит уже это преобразование, которое возвысит землю в иерархии миров. (См. Евангелие в разъяснении спиритизма, гл. 3.)

10. Но почему же Христос не говорил о чистилище? Потому, что идеи этой не существовало тогда и не было слов для ее выражения. Христос пользовался словом *ад* как единственным, которое было в употреблении для обозначения всех будущих мук без различия. Если бы Он рядом с этим словом поставил слово, равнозначное по смыслу слову *чистилище*, то он не мог бы придать ему настоящего его смысла, не затронув тех вопросов, которые предназначались для будущего; это бы было еще и назначением двух отдельных мест для наказаний. Слово *ад*, подразумевающее идею о наказании, уже включает в себе и идею о чистилище, которое есть только один из способов наказания. Будущее, долженствующее просветить людей насчет истинного значения наказаний, должно будет поставить и ад на его настоящее место.

Если Церковь по прошествии шести веков нашла нужным к словам Иисуса Христа прибавить и установить существование чистилища, значит, она думала, что Иисус Христос открыл не все.

Отчего бы не думать так и по поводу других постановлений?

Глава 6. Учение о вечности мучений

Происхождение учения о вечных муках

1. Верование в вечность мук так быстро теряет почву, что не надо быть пророком, чтобы предсказать его близкий конец. Оно было опровергнуто такими вескими доводами, такими решительными аргументами, что казалось бы излишним заниматься этим вопросом и можно бы предоставить его самому себе. Но нельзя не сознаться, что, несмотря на свою несостоятельность, оно все-таки служит связующим звеном между противниками новых идей; они защищают его с наибольшим рвением потому, что это самое слабое место и они предчувствуют последствия его скорого падения. С такой точки зрения, вопрос этот заслуживает серьезного внимания.

2. Учение о вечности мучений, как и о материальном аде, имело смысл, пока страх наказаний сдерживал невежественность людей, для которых были бы недостаточны наказания нравственные и временные; они не могли бы понять справедливости постепенного возмездия так же, как не могли оценить оттенков добра, и зла или значения смягчающих либо увеличивающих вину обстоятельств.

3. Чем ближе стоит человек к первобытному состоянию, тем более он материален; моральные чувства развиваются у него позже всех. Потому и представление его о Боге и достоинствах Божиих самое смутное, не более совершенное, чем о будущей жизни. Они уподобляют Его собственной природе; для них Он – неограниченный Властелин, тем более грозный, что Он невидим, как деспот, сидящий в своем дворце и никогда не показывающийся своим подданным. Он могуч своей материальной силой, а моральная не понятна для них. Они представляют Его себе вооруженным громом и молнией и сеющим на своем пути ужас и разорение, по примеру непобедимых воителей. Бог милосердный и кроткий не был бы по их понятиям Бог; это было бы слабое существо, не умеющее заставить себя слушать. Неукротимая месть, ужасные бесконечные наказания нисколько не противоречили их понятиям о Боге, и разум их вполне мирился с ними. Сами мстительные и жестокие по отношению к своим врагам, безжалостные к побежденным, они приписывали Богу, как высшему существу, еще более ужасные качества.

Для таких людей и религиозное верование должно было подходить к их грубой натуре. Религия духовная, полная любви и милосердия, не могла слиться с их дикими нравами и страстями. Не будем же осуждать Моисея за его драконовские законы, которые едва сдержали его непокорный народ, ни за то, что он рисовал Бога – мстителем; это было необходимо в то время, кроткое учение Христа не встретило бы тогда отголоска и было бы бессильно.

4. По мере того как дух развивался, туман материализма рассеивался, и люди стали более способными к пониманию духовного; но все это делалось постепенно. Когда явился Христос, Он уже мог возвестить Бога Милосердного говорить о Его Царствии не от мира сего и сказать людям: «Любите друг друга, будьте милостивы к ненавидящим вас», тогда как древние говорили: «Око за око и зуб за зуб».

Какие же это были люди, которые жили во времена Иисуса Христа? Были ли это вновь сотворенные и воплощенные души? Если это так, то Бог создавал в то время души более совершенные, чем во времена Моисея. Но в таком случае – что случилось с последними? Неужели они осуждены на вечные времена томиться в состоянии озверелости? Здравый смысл отвергает подобное предположение. Нет; это были все те же души, которые жили при Моисее, но в продолжение нескольких существований достигли развития, достаточного для понимания более возвышенного учения, и те же самые, которые теперь, еще более усовершенствовавшись, могут воспринять более полное учение.

5. Тем не менее, Иисус Христос не мог открыть всех тайн будущей жизни своим современникам; Он Сам говорит: «Много еще Я мог бы сказать вам; но вы того не поймете, потому говорю вам притчами». Во всем, что касается нравственности, т. е. обязанностей человека к человеку, Он выражался очень определенно потому, что затрагивал чувствительные струны материальной жизни и знал, что будет понят; что же касается других вопросов, Он ограничился лишь тем, что посеял в аллегорической форме те ростки, которые должны были развиваться позднее. Учение о будущих наказаниях и наградах относится к последней категории. В особенности по отношению к наказаниям. Он не мог сразу изменить укоренившиеся понятия. Он пришел наметить новые обязанности: милосердие и любовь к ближнему должны были заменить мстительность и ненависть; самоотвержение стать на место эгоизма. Этого уже было много, Христос не хотел ослаблять страха наказаний, чтобы не уронить чувства долга и обязанностей перед ближними. Он обещал добрым Царство Небесное; значит, оно не могло быть достоянием злых, куда же они должны были идти?

Нужен был какой-либо противовес, чтобы подействовать на умы, еще слишком низменные для понимания духовной жизни. Не надо забывать, что Христос обращался к народу, к менее просвещенной части общества, для которой нужны были образцы осязательные, а не абстрактные. Вот почему Он не входил в большие подробности по этому поводу; Ему нужно было только указать на наказание и награду – этого было достаточно в то время.

6. Если Иисус угрожал виновным вечным огнем, то Он также грозил им тем, что они будут ввергнуты в геенну. Что такое геенна? Место в окрестностях Иерусалима, куда сбрасывали нечистоты из города. Неужели и это нужно было понимать буквально? Это было одним из выразительных приемов, с помощью которых Он влиял на толпу. То же самое и с вечным огнем. Если бы это было не так, то Иисус противоречил бы Сам Себе, когда проповедовал милосердие и милость Бога, так как милосердие и вечная мука – два противоположных понятия, одно уничтожающее другое. Было бы странной ошибкой принять эти слова Христа за подтверждение догмата вечности мучений, тогда как все Его учение возвещает милосердие Божие.

В молитве Господней Он учит нас говорить: «Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Если бы виновный не надеялся получить прощение, то было бы бесполезно просить о нем. Но безусловно ли это прощение? Есть ли это милость или простая отсрочка заслуженного наказания? Нет, прощение это соответствует тому прощению, которое мы сами даем, т. е. если мы не будем прощать, то и не будем прощены. Бог, забывая обиды, ставит неизменным условием такое же забвение, иначе Он не мог бы требовать от слабых людей того, что не сделал бы Сам в своем могуществе. Итак, молитва Господня ежедневно свидетельствует против идеи о вечной мстительности Бога.

7. Для людей, имеющих смутное понятие о духовности души, мысль о материальном огне не представляла ничего странного, тем более, что она была взята из общенародных верований и почерпнута из языческих понятий, распространенных почти повсеместно. Вечность мучений также не представлялась отталкивающей народам, подчинявшимся в продолжение многих веков законам грозного Иеговы. В идее же Христа вечный огонь есть только символ; Он мало придавал значения тому, что этот символ понимался буквально, лишь бы он служил узду; Он хорошо знал, что время и прогресс объяснят смысл аллегии, особенно тогда, когда, по словам Его, Дух Истины просветит человечество во всякой истине.

Главная причина непреложных наказаний есть недействительность раскаяния; но никогда Христос не говорил, что раскаяние не встретит милости у Бога; напротив, при всяком случае Он показывает Бога милостивым, милосердным и готовым принять блудного сына, вернувшегося под отчий кров. Иисус показывает Бога непреклонным только к закостеневшим грешникам; и если Он в одной руке держит кару, то в другой у Него наготове прощение, чтобы излить его на виновного, как только тот проявит чистосердечное раскаяние. Конечно, это не есть изображение безжалостного Бога; следует также отметить, что никогда Христос не про-

изнес против кого-либо, даже против самых больших преступников безвозвратного и окончательного приговора.

8. Все примитивные религии, согласовавшиеся с характером первобытных народов, имели воинственных богов, сражавшихся во главе армий. Иегова у евреев доставлял им тысячу способов для уничтожения врагов, он награждал их победами и наказывал поражениями. По тому представлению, которое имели о Боге, считали необходимым чтить или умиловать Его кровью людей и животных; отсюда кровавые жертвы, которые играли такую большую роль во всех древних религиях. Евреи уничтожили человеческие жертвы, христиане же, несмотря на учение Христа, еще долго продолжали чтить Создателя, предавая огню и мучениям тысячи так называемых еретиков; это, хотя и в другой форме, были те же человеческие жертвы, так как совершались во славу Господа и сопровождалась церковными церемониями. Да и поныне христиане призывают Бога перед сражением и восхваляют и благодарят Его после победы, даже когда война ведется по самым несправедливым и противохристианским причинам.

9. Как трудно отрешается человек от своих предрассудков, привычек и первоначальных идей! Сорок веков отделяют нас от времени Моисея, а наше поколение все еще видит следы древних варварских обычаев, поддерживаемых и одобряемых современной религией! Нужно было проявление могущественного мнения неправых, т. е. тех, которых считают еретиками, чтобы положить конец кострам и заставить понять настоящее величие Бога. Но за невозможностью применять костры, применяют материальные и моральные преследования, которые и до сих пор еще в полном ходу, настолько мысль о Боге-карателе укоренилась в человечество. Выросши в понятиях, внушенных ему с детства, мог ли человек удивляться тому, что Бог, которого чтут варварскими обычаями, приговаривает людей к вечным мукам и без жалости смотрит на страдания осужденных?

Да, это философы (по мнению некоторых – нечестивые) первые возмутились, видя имя Бога, профанированным недостойными Его действиями; Они показали Его людям во всем Его величии, очистив имя Его от человеческих страстей и мелочности, в которые облекли Его темные верования. Тогда религия выиграла в достоинстве то, что потеряла во внешности, потому что убавилось число почитающих одни обряды и увеличилось число искренно верующих сердцем и душою.

Но, наряду с этими, как много таких, которые остановившись в начале пути, пришли к полному отрицанию Провидения! Причина тут в том, что они не сумели вовремя привести религиозные верования в гармонию с прогрессом человеческого разума; вследствие чего явился у одних – деизм, у других – полное неверие, у третьих – пантеизм, т. е. человек сделал сам себя богом, за неимением другого, более совершенного божества.

Доводы в защиту учения о вечных муках

10. Возвратимся к догмату вечности мучений. Главный аргумент, приводимый в его защиту, следующий: между людьми принято соразмерять тяжесть оскорбления с достоинством оскорбленного. Так, оскорбление, нанесенное государю, считается более тяжким, чем оскорбление частного лица, и наказывается строже. Но так как Бог выше государя, так как Он бесконечен, то наказание должно быть бесконечно, т. е. длиться вечно.

Опровержение. – Всякое определение, как суждение, должно иметь точку отправления, основание, посылку; мы берем эту посылку в самих атрибутах Бога: *Бог Един, вечен, неизменяем, невещественен (бесплотен), всемогущ, всемилостив, благ и справедлив, бесконечен во всех своих совершенствах.*

Бога невозможно себе представить иначе, как бесконечно совершенным, в противном случае Он не был бы Бог. Чтобы Он был Один выше всех существ, нужно, чтобы никто не мог сравниться или превзойти Его ни в чем. Итак, Он должен быть бесконечен во всем.

Атрибуты, или достоинства, Бога, как бесконечные, не могут ни прибавляться, ни уменьшаться; иначе они не были бы бесконечны, и Бог не был бы совершенен. Если отнять хотя бы малейшую частицу Его достоинств, то Он не был бы Богом, потому что тогда мог бы существовать кто-нибудь более совершенный.

Бесконечность одного качества исключает возможность существования обратного свойства, которое уменьшало бы его или уничтожало. Существо бесконечно доброе не может иметь ни малейшей крупинки злобы; так же, как бесконечно злое – самую ничтожную частицу доброты. Так, черное не было бы абсолютно черным, если бы имело хоть малейший оттенок белого и белое – абсолютно белым с малейшей частицей черного.

Установив эту точку отправления, противопоставим вышеприведенному аргументу следующее:

11. Только существо бесконечное может делать что-нибудь бесконечное. Человек, ограниченный в своих добродетелях, в своих знаниях, могуществе, способностях и в своем земном существовании, может производить только ограниченные дела. Если бы человек мог быть бесконечен в том, что он делает злого, он был бы бесконечен и в добре, и тогда он был бы равен Богу. Но если бы человек был бесконечен в добре, то он не делал бы зла, потому что абсолютное добро исключает зло.

Если принять, что временный проступок становится бесконечен по отношению к Богу, то значит Бог, мстя за оскорбления бесконечным наказанием, бесконечно мстителен. Если он бесконечно мстителен, то Он не может быть бесконечно благ и милостив, так как одно из этих свойств уничтожает другое. Если Он не бесконечно благ, Он несовершенен; если же Он несовершенен – Он не Бог.

Если Бог неумолим к раскаявшемуся грешнику, Он немилосерден; если Он немилосерден, Он не бесконечно благ.

Зачем бы Господь дал людям заповедь прощения обид, если бы не хотел Сам прощать? Отсюда следовало бы то, что человек, прощающий своим врагам и воздающий за зло добром, был бы лучше Бога, который не внемлет раскаянию виновного и отказывает ему на век в малейшем облегчении наказания!

Бог, который есть везде и видит все, должен видеть муки осужденных. Если Он не чувствителен к их стонам в продолжение вечности, Он не сострадателен, Он не благ.

12. На это говорят, что грешник, раскаявшийся прежде, чем умереть, испытывает милосердие Божие, и тогда самый великий грешник получит помилование. Конечно, это несомненно и понятно, что Бог прощает только раскаявшегося и остается непреклонен к закоре-нелым грешникам; но если Он милостив к душе, которая раскаялась перед смертью, почему Он перестает быть милосердным к той, которая раскаивается после смерти? Почему раскаяние действительно только в жизни, которая есть краткий миг и не имеет силы в продолжение вечности? Если доброта и милосердие Божие ограничены определенным временем, они не бесконечны, и Бог не бесконечно благ.

13. Бог высоко справедлив. Совершенная справедливость не есть справедливость неумолимая, непреклонная, а также не оставляющая ошибки ненаказанными; нет, она строго следит за добром и злом, награждает одно и наказывает другое с одинаковым правосудием и никогда не ошибается.

Если за временную ошибку или прегрешение, которое, большей частью, есть следствие несовершенства человеческой природы, а часто и окружающей его среды, душа может быть наказана на веки, без надежды на облегчение или прощение, то нет никакого соответствия между грехом и наказанием – следовательно, нет справедливости.

Если виновный обращается к Богу, раскаивается и просит получить возможность загладить свой грех, это значит, что он возвращается к добру и к добрым чувствам. Но если наказание неизменно, этот возврат к добру остается бесплодным; там, где добро не берется во

внимание, нет справедливости. В мире людей осужденному, который исправляется, наказание смягчают, иногда даже совершенно отменяют его; стало быть, в справедливости человеческой больше правосудия, чем в справедливости Божией! Если осуждение неизменно, то не нужно и раскаяние; виновный, не ожидая ничего от возвращения к добру, упорствует во зле, так что Господь не только осуждает его на бесконечные страдания, но и оставляет его во зле навек. А это уже не есть справедливость и не есть милосердие.

14. Бог, бесконечный во всем, знает все, и прошедшее, и будущее; Он уже знает при сотворении каждой души, падет ли она настолько, чтобы быть навеки осужденной. Если Он этого не знает, то знание его не бесконечно: тогда Он не Бог. Если Он это знает, то Он добровольно создает существо, заранее обреченное на вечные муки, и тогда Он не милосерден.

Если Бог, тронутый раскаянием осужденного, может проявить на нем Свое милосердие и извлечь его из ада, значит, нет вечного мучения, и осуждение людей может быть отменено.

15. Таким образом, доктрина о вечных муках, поневоле приводит к отрицанию или умалению некоторых достоинств Божества; следовательно, она не согласуется с Его бесконечным совершенством; отсюда следующее заключение: если Бог совершенен, вечного осуждения не существует; если же оно существует, то Бог не совершенен.

16. Ссылаются еще на следующие аргументы в защиту учения о вечном наказании:

Награда, данная праведным – вечна, следовательно, и наказание должно быть вечным. Необходимо соразмерять наказание с наградой.

Опровержение. Создает ли Бог души для того, чтобы они были счастливы или несчастливы? Очевидно, что счастье должно быть целью творения, иначе Бог не был бы благ.

Душа сама достигает счастья своими заслугами; достигнув его, она уже не может потерять его плодов, иначе она отстанет; так как она бессмертна, то и счастье ееечно. Но прежде, чем достигнуть совершенства, она должна выдержать много борьбы со своими дурными страстями. Так как Бог не создал ее совершенной, а лишь способной к совершенствованию для того, чтобы она имела заслуги своих дел, она может пасть. Это падение бывает следствием ее природной слабости. Если же за одно падение она может быть наказана вечно, то можно бы спросить, почему Бог не создал ее более сильной. Наказание, которое она несет, есть указание на то, что она дурно поступала, и должно привести к тому, чтобы вернуть ее на добрый путь. Если же это наказание неизменно, то ее желание исправиться было бы напрасным; но тогда одни существа были бы предназначены к счастью, а другие – к несчастью. Если преступная душа раскаивается, то может сделаться доброй; а сделавшись доброй, может надеяться на счастье; был бы Бог справедлив, если бы Он отказал ей в средствах достичь этого счастья? Так как добро есть конечная цель создания, счастье, которое есть его цена, должно быть вечно; наказание же, которое есть средство достигнуть счастья, должно быть временно. Самое обыкновенное понятие о справедливости среди людей говорит, что нельзя вечно наказывать того, кто имеет доброе желание исправиться.

17. Последний же аргумент в пользу вечности наказаний следующий:

Страх вечного наказания есть узда для людей. Если ее снять, то человек, не боясь ничего, предастся всевозможным излишества.

Опровержение. Это рассуждение было бы верно, если бы отмена вечного мучения упразднила всякое наказание. Счастливое или несчастное положение в будущей жизни есть следствие строгой справедливости Божией, потому что равное положение человека доброго и развращенного было бы отрицанием этой справедливости. Но если наказание временно, оно от этого не менее тяжело; его боятся тем более, чем больше ему верят, и верят тем более, чем более оно рационально.

Наказание, в которое не верят, не служит более уздой, а вечность мучений – одно из таковых.

Вера в вечность наказания, как мы сказали, имела смысл в определенную эпоху; в настоящее же время она не только не приносит пользы, а скорее, вредит, так как порождает неверие. Нужно было бы прежде, чем устанавливать ее необходимость, доказать ее действенность. Надлежало особенно показать ее значение на тех, кто пытается ее доказать. К несчастью, многие из них показывают своими поступками, что они не очень-то ее боятся. Если она бессильна исправить тех, кто говорит, что ей верит, какое же влияние может она иметь на тех, кто ей не верит?

Материальная невозможность вечных мук

18. До сих пор догмат о вечности наказаний опровергался только рассуждениями, мы покажем теперь его противоречие с теми положительными фактами, которые у нас перед глазами, и, следовательно, его невозможность.

По этому догмату, участь души неизменно определяется после смерти. Это – преграда, поставленная совершенствованию. Итак, развивается душа или нет? В этом весь вопрос: если она совершенствуется, то вечность наказания невозможна. Можно ли сомневаться в этом прогрессе, наблюдая бесчисленное разнообразие способностей, как нравственных, так и умственных, которые существуют на земле, начиная от дикаря и кончая просвещенным человеком? Или наблюдая разницу, которую представляет один и тот же народ в разные века? Если предположить, что это не одни и те же души, то нужно допустить, что Бог создает их с различными степенями развития, в зависимости от времени и места; что Он покровительствует одним, тогда как других обрекает на вечную невежественность. Но это не согласуется со справедливостью, которая должна быть одинакова для всех существ.

19. Несомненно, что души, отсталые умственно и нравственно, как, например, души варварских племен, не обладают способностью наслаждаться природой или великолепным сиянием бесконечного, как это свойственно душам, одаренным достаточным для этого развитием. И если эти отсталые души не усовершенствуются, то, в лучшем случае, могут пользоваться только отрицательным счастьем.

Таким образом, мы приходим к выводу, согласному с самой строгой справедливостью, что души высокоразвитые есть те же самые, что ранее были отсталыми, но потом усовершенствовались с течением времени.

Тут уже мы касаемся важного вопроса о множественности существований, этого единственно рационального средства выйти из затруднения. Но, тем не менее, мы его пока отложим и будем рассматривать душу в одном только ее существовании.

20. Вот один из тех молодых людей лет двадцати, каких мы видим так много. Он малообразован, наклонности его порочны, он отрицает Бога и собственную душу и ведет беспорядочный образ жизни, позволяя себе всякие гнусности. Но он находится в благоприятных условиях, работает, учится, мало-помалу исправляется и, наконец, делается верующим человеком. Не правда ли, это наглядный пример совершенствования души во время жизни, пример, каких встречается много? Этот человек умирает благочестиво в преклонных летах, и спасение его обеспечено.

Но какова была бы его судьба, если бы случай заставил его умереть на 40 или 50 лет раньше? Тогда он находился бы в условиях, ведущих к вечному осуждению, а раз будучи осужден, он уже не мог бы двигаться по пути прогресса. Так вот человек, спасенный только потому, что долго жил; по учению вечных мук он бы погиб навсегда, если бы умер раньше, что легко могло бы случиться.

Если душа его в данное время могла совершенствоваться, почему она не может делать то же после смерти? Ведь случай преждевременной смерти зависел не от него. Почему бы Бог отказал ему в этом? Раскаяние, хотя бы и позднее, все-таки пришло бы в свое время. Но если бы с минуты смерти его постигло неизменное осуждение, то раскаяние его на вечные

времена осталось бы бесплодным, равно как и способность его совершенствоваться: она была бы уничтожена навеки.

21. Итак, догмат вечности наказаний не согласуется с прогрессом души, которому он служил бы непреодолимым препятствием; эти оба принципа уничтожают друг друга; если существует один, другой не может существовать. Который же из двух существует?

Закон совершенствования ясен. Это не теория, но засвидетельствованный опытом факт; это закон природы, закон Божественный, ненарушимый, и так как он существует и не может согласоваться с другим, то значит, не существует другого. Если бы догмат вечности мучений был верен, то св. Августин, св. Павел и многие другие никогда не видали бы неба, если бы умерли раньше своего обращения. На это последнее утверждение возражают, что обращение этих святых не есть результат совершенствования души, а дарованная им милость Божия, которой они прониклись.

Но это – игра слов. Если они делали зло, а потом стали делать добро, значит, они сделались лучше и, стало быть, усовершенствовались. Или Бог, по особому благоволению, даровал им милость исправиться. Почему им больше, чем другим? Это опять доктрина привилегий, несовместимая со справедливостью Божией и Его любовью, одинаковой ко всем Его созданиям.

По спиритическому учению, согласно со словами Евангелия, с логикой и с самой строгой справедливостью, человек есть детище своих деяний, как в этой жизни, так и после смерти; он ничем не обязан милости: Бог награждает его за усилия и наказывает за небрежность до тех пор, пока он не исправится.

Устарелость доктрины о вечности мук

22. Вера в бесконечность материальных мучений внушала полезный страх до тех пор, пока люди не поняли могущества нравственности. Так, детям грозят разными вымышленными существами, чтобы их сдерживать; но приходит время, когда дети начинают понимать, что это сказки, и тогда было бы нелепостью претендовать на дальнейшее воздействие теми же средствами.

Так теперь и с человечеством: оно вышло из детского возраста и стряхнуло с себя помочи. Человек уже не так пассивен, чтобы сгибаться под гнетом материальных сил, это не прежнее легковверное существо, принимающее все с закрытыми глазами.

23. Вера – есть акт разума, вот почему она не может быть предписана. Если в продолжение определенного периода догмат вечных наказаний мог быть безвреден, даже полезен, то настает время, когда он становится опасным. И действительно, когда вы проповедуете его как абсолютную истину, а разум его отвергает, то получается одно из двух: или человек, который хочет верить, создает себе более рациональную веру и отделяется от вас, или не верит больше ни во что. Для всякого, хладнокровно изучавшего этот вопрос, очевидно, что в наши дни этот догмат создал больше материалистов и атеистов, чем создали их философы.

Идеи неуклонно прогрессируют. Влиять на человечество можно только, следуя за ходом этих идей. Желать остановить этот ход или вернуть назад, или просто отстать от, него, когда он идет вперед, значит, погибнуть. Следовать или не следовать за этим движением есть вопрос жизни и смерти, как для религии, так и для правительств. Хорошо это или дурно? Конечно, это зло в глазах тех, кто живет прошедшим; для тех же, кто смотрит вперед, это закон Бога, а против такого закона сопротивление бесполезно; восставать против Его воли значит быть разбитым.

Для чего же изо всех сил поддерживать отжившее верование, приносящее религии больше вреда, чем пользы? Увы, грустно сознаться, что материальный вопрос берет здесь верх над религиозным. Это верование широко эксплуатировалось при помощи укоренившегося

убеждения, что за деньги можно открыть себе двери рая и избежать вечных мучений. Неисчислимы доходы, которые оно принесло и приносит еще и сейчас, – налог на страх смерти и вечности. Так как подать эта необязательна, то сумма ее соответствует силе веры. Когда вера не существует – нет и подати.

24. Новые откровения, которые дают более правильные понятия в будущей жизни и доказывают, что можно самому своими деяниями достичь спасения, должны встретить тем большую оппозицию, чем значительнее были доходы, которые они истощают. Так бывает всегда, когда новое открытие или изобретение изгоняет старые привычки. Тот, кто живет старыми, малопродуктивными приемами, поддерживает их и восстает против новых, более практичных. Было ли одобрено книгопечатание многочисленным классом переписчиков? Конечно, нет; они должны были его проклинать. То же было и с машинами, с железными дорогами и с тысячами подобных вещей.

В глазах неверующих учение о вечности мучений есть праздный вопрос, над которым они смеются; в глазах ученых он имеет общественное значение, по тем злоупотреблениям, которые он порождает; человек же действительно религиозный видит, что им затрагивается достоинство религии и желает уничтожения как злоупотреблений, так и их причин.

25. *Иезекииль восстает против вечности мук и первородного греха.* Тем, кто думает найти в Библии оправдание веры в вечность мучения, можно указать на тексты противоположного значения, которые не оставляют ни малейшего сомнения. Следующие слова Иезекииля составляют не только полное отрицание бесконечности наказаний, но также и ответственности за грех прародителя, тяготеющий над его потомством:

1 И было ко мне слово Господне: 2 зачем вы употребляете в земле Израилевой эту пословицу, говоря: «отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина»? 3 Живу Я! говорит Господь Бог, – не будут вперед говорить пословицу эту в Израиле. 4 Ибо вот, все души – Мои: как душа отца, так и душа сына – Мои: душа согрешающая, та умрет. 5 Если кто праведен и творит суд и правду, 6 на горах жертвенного не ест и к идолам дома Израилева не обращает глаз своих, жены ближнего своего не оскверняет и к своей жене во время очищения нечистот ее не приближается, 7 никого не притесняет, должнику возвращает залог его, хищения не производит, хлеб свой дает голодному и нагого покрывает одеждою, 8 в рост не отдает и лихвы не берет, от неправды удерживает руку свою, суд человеку с человеком производит правильный, 9 поступает по заповедям Моим и соблюдает постановления Мои искренно: то он праведник, он непременно будет жив, говорит Господь Бог. 10 Но если у него родился сын разбойник, проливающий кровь, и делает что-нибудь из всего того, 11 чего он сам не делал совсем, и на горах ест жертвенное, и жену ближнего своего оскверняет, 12 бедного и нищего притесняет, насильно отнимает, залога не возвращает, и к идолам обращает глаза свои, делает мерзость, 13 в рост дает, и берет лихву; то будет ли он жив? *Нет*, он не будет жив. Кто делает все такие мерзости, тот непременно умрет, кровь его будет на нем. 14 Но если у кого родился сын, который, видя все грехи отца своего, какие он делает, видит и не делает подобного им: 15 на горах жертвенного не ест, к идолам дома Израилева не обращает глаз своих, жены ближнего своего не оскверняет, 16 и человека не притесняет, залога не берет, и насильно не отнимает, хлеб свой дает голодному, и нагого покрывает одеждою, 17 от *обиды* бедному удерживает руку свою, роста и лихвы не берет, исполняет Мои повеления и поступает по заповедям Моим, – то сей не умрет за беззаконие отца своего; он будет жив. 18 А отец его, так как он жестоко притеснял, грабил брата и недоброе делал среди народа своего, вот, он умрет за свое беззаконие. 19 Вы говорите: «почему же сын не несет вины отца своего?» Потому что сын поступает законно и праведно, все уставы Мои соблюдает и исполняет их; он будет жив. 20 Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается. 21 И беззаконник, если обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и пра-

ведно, жив будет, не умрет. 22 Все преступления его, какие делал он, не припомнятся ему: в правде своей, которую будет делать, он жив будет. 23 Разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был жив? (Иезекииль, гл. 18)

Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был (Иезекииль, гл. 33, ст. 11).

Глава 7. Будущие наказания по учению спиритизма

Плоть немощна

Есть прочные наклонности, которые, очевидно, присущи духу, потому что они касаются больше нравственной стороны, чем физической, другие же кажутся следствием физиологической природы человека, и на этом основании за них принято считать себя менее ответственными. К последним относятся: гнев, изнеженность, чувственность и т. д.

В настоящее время философами-спиритуалистами вполне установлено, что мозговые центры, которым соответствуют различные способности, обязаны своим развитием деятельностью духа, и что развитие есть следствие, а не причина. Человек музыкален не потому, что имеет шишку музыки, а потому имеет эту шишку, что его дух музыкален. Если деятельность духа реагирует на мозговые центры, она должна так же реагировать и на другие части организма. Таким образом, дух есть создатель своего тела, которому он придает нужные формы для проявления своих наклонностей. Раз это установлено, легко понять, что усовершенствованные тела высших культурных рас не составляют продукта отдельного создания, но результат работы духа, который совершенствует свое орудие по мере того, как развиваются его способности.

Естественным следствием этого принципа является то, что нравственные наклонности духа должны изменять качество крови, регулируя ее деятельность, вызывая большее или меньшее выделение желчи или других флюидов. Так, например, обжора чувствует, как у него текут слюни при виде какого-нибудь вкусного блюда. Не кушание раздражает орган вкуса, так как оно с ним не соприкасается, а раздражается чувственность духа, и посредством мысли это раздражение передается органу вкуса; а на другого человека вид этого кушания не производит никакого действия. По той же причине чувствительный субъект легко проливает слезы; не обилие слез дает чувствительность духу, а чувствительность духа производит усиленное выделение слез. Под влиянием такой восприимчивости, организм приспосабливается к этой обычной склонности духа, так же как в другом случае к обжорству. Следуя такому порядку идей, легко понять, что раздражительный дух должен развивать в своем организме желчный темперамент; человек сердит не оттого, что желчен, а желчен, потому что сердит. То же самое относительно других инстинктивных предрасположений. Дух вялый и беспечный оставляет свой организм в состоянии бездеятельности, соответственно своему, характеру; если же он деятелен и энергичен, он дает своей крови, своим нервам совершенно другие качества. Действие духа на физическую сторону так очевидно, что приходится часто наблюдать важные изменения, происходящие от сильных моральных потрясений. Общепринятое выражение, что волнение портит кровь, не так бессмысленно, как кажется, ибо что может портить кровь хуже, чем моральное расположение духа?

Итак, можно допустить, что темперамент, хотя бы отчасти, определяется природой духа, который есть его причина, а не следствие. Мы говорим *отчасти*, потому что часто бывает, что физическая сторона явно влияет на нравственную: например, если болезненное или ненормальное состояние вызвано какой-нибудь внешней случайной причиной, не зависящей от духа, как температура, климат, наследственные пороки телосложения, временное нездоровье и т. п. Тогда моральная сторона духа проявляется патологически, не изменяя при том своего внутреннего существа. Таким образом, оправдываться в своих дурных делах слабостью плоти есть не что иное, как отговорка во избежание ответственности. Плоть немощна только потому, что дух слаб, и потому ответственность за все действия тела всецело падает на дух. Тело, которое не имеет ни мысли, ни воли, никогда не одерживает верха над духом, который есть существо мыслящее и обладающее волею; это дух дает плоти качества, соответствующие ее инстинктам,

как художник накладывает печать своего гения на свое материальное творение. Дух, свободный от животных инстинктов, создает себе тело, которое не угнетает его стремлений к духовному существованию; тогда человек ест для того, чтобы жить, так как это необходимо, а не живет для того, чтобы есть.

Итак, моральная ответственность за свои поступки остается в полной силе; но здравый смысл говорит, что последствия этой ответственности должны быть пропорциональны интеллектуальному развитию духа; чем более он просвещен, тем более ответственен, потому что с просвещением и развитием моральных чувств развивается понятия о добре и зле, о справедливом и несправедливом.

Этот закон объясняет неуспех медицины в некоторых случаях. С тех пор как стало известно, что темперамент есть следствие, а не причина, усилия, которыми пробовали его умерять, были естественно парализованы моральным расположением духа, который инстинктивно противодействует и нейтрализует терапевтические средства. Итак, надо действовать на первоначальную причину. Придайте, если возможно, смелости трусу, и вы увидите, что физические последствия страха исчезнут. Это еще раз доказывает, что искусство лечить должно принимать во внимание воздействие на организм духовных элементов.

Источник спиритического учения о будущих наказаниях

Относительно будущих наказаний спиритическая доктрина основывается, как и в прочих частях, не на предвзятых и непроверенных теориях, не заменяет одну систему другою, но во всем опирается на наблюдения, что и составляет ее авторитетность.

Это не воображение или чья-либо выдумка, что души после смерти находятся в том или ином состоянии. Сами существа, покинувшие землю, приходят к нам теперь, чтобы посвятить нас в тайны будущей жизни, описывают нам свое счастливое или несчастное положение, свои впечатления, чувства и свое преобразование после смерти тела; одним словом, дополняют в этой области учение Иисуса Христа.

Здесь идет речь не об одном каком-нибудь духе, который мог видеть вещи со своей точки зрения или судить о них, находясь во власти земных предрассудков; также не об откровении, данном одному какому-нибудь лицу, которое могло бы быть обмануто; не об экстатическом видении, близком к иллюзии и часто происходящем от экзальтированного воображения. Нет, здесь речь идет о многочисленных примерах, сообщенных всеми категориями духов, от самой высокой до самой низкой ступени, при помощи бесчисленных посредников, рассеянных по всем частям света. Эти откровения не составляют чьей-либо привилегии, а каждый может сам видеть и наблюдать, и никто не обязан верить другому на слово.

Закон о наказаниях в будущей жизни

Спиритизм не формулирует фантастические законы; его правила, касающиеся будущности души, выводятся из фактов и наблюдений и заключаются в следующих пунктах:

1. Душа, или дух, несет в бесплотном состоянии последствия всех несовершенств, от которых она не избавилась в жизни телесной. Ее счастливое или несчастное состояние нераздельно со степенью ее очищения или ее несовершенств.

2. Счастье совершенное присуще только совершенству, т. е. полной чистоте духа. Всякое несовершенство есть одновременно причина страданий и лишение блаженства, так же, как и всякое приобретенное качество есть причина блаженства и уменьшение страдания.

3. Нет ни одного несовершенства души, которое не влекло бы за собой неизбежных и неприятных последствий, и ни одного доброго качества, которое не влекло бы за собою радости. Таким образом, сумма наказаний пропорциональна сумме несовершенств, как и бла-

женство пропорционально сумме положительных качеств. Душа, которая имеет десять несовершенств, страдает больше той, которая имеет их три или четыре; если из этих десяти несовершенств у нее останется четверть или половина, она будет страдать меньше, а когда не останется ни одного, она вовсе не будет страдать и будет пользоваться совершенным счастьем. Тот, у кого несколько болезней, страдает больше того, у которого только одна или нет ни одной. По той же причине душа, обладающая десятью качествами, пользуется большим блаженством, чем та, у которой их меньше.

4. В силу закона прогресса всякая душа имеет возможность приобрести недостающие ей добрые качества и освободиться от дурных по мере своих усилий и своей доброй воли; следовательно, она всегда может достичь лучшего будущего, которое ни для кого не закрыто. Бог не отвергает никого из Своих детей. Он принимает всех в лоно Свое, воздавая каждому по заслугам, по мере того как они достигают совершенства.

5. Так как страдание связано с несовершенством, а радости – с совершенством, душа несет в самой себе, где бы она ни была, свои собственные наказания; не нужно для этого определенного места. Ад везде, где есть страждущие души, как и рай, везде, где есть счастливые.

6. Добро и зло есть следствия добрых и дурных качеств. Не делать то добро, которое мы можем сделать, есть результат несовершенства. Если всякий недостаток есть источник страдания, дух должен страдать не только от всего, сделанного им зла, но и от того добра, которое он мог бы сделать и не сделал в продолжение своей земной жизни.

7. Дух страдает именно за то зло, которое он сделал, так что все внимание его сосредоточено на последствиях сделанного им зла; поэтому он начинает лучше понимать все его, значение, и это побуждает его исправиться.

8. Справедливость Господа бесконечна; добру и злу ведется строгий счет; если нет ни одного дурного поступка, ни одного дурного помысла, которые не имели бы своих фатальных последствий, то нет также ни одного доброго дела, ни одной благой мысли, ни одной даже самой ничтожной заслуги, которая пропала бы или была забыта *даже у самых развращенных людей, так как это – начало совершенствования.*

9. Каждая содеянная ошибка, всякое зло есть долг, который придется выплатить, если не в этой жизни, то в следующей или в следующих; ведь все существования имеют связь между собой; тот, кто уплатил в настоящем существовании, не будет уплачивать в следующих.

10. Дух терпит наказания за свои несовершенства либо в духовном, либо в телесном мире. Все невзгоды, все лишения, которые приходится испытывать в телесной жизни, – это последствия наших несовершенств, искупление за ошибки этой жизни или предшествующих существований. По характеру страданий и превратностей в этой жизни можно судить о характере ошибок, совершенных в какой-нибудь предшествовавшей жизни, а равно и о тех недостатках, которые были причиной этих ошибок.

11. Искупление меняется в зависимости от важности проступков; даже одна ошибка может, таким образом, вызвать различные виды искуплений, в зависимости от обстоятельств, которыми она сопровождалась, смягчающими или отягчающими вину.

12. Относительно характера и продолжительности наказаний нет никаких абсолютных правил; единственный общий закон тот, что каждая вина ведет за собой возмездие, а каждое доброе дело – награду, в зависимости от его ценности.

13. Продолжительность наказания зависит от совершенствования виновного духа. Против него не произносится никакого осуждения на определенное время. Чтобы положить предел страданию, Бог требует только серьезного исправления, действительного и искреннего возвращения к добру. Дух обладает свободной волей; он может продолжить свои страдания своим упорством во зле, но может и прекратить или смягчить их своим стремлением к добру. Осуждение на какой-нибудь определенный срок имело бы двойное неудобство: продолжение наказания духа, который уже исправился или прекращения испытания, когда он еще во зле. Бог

по справедливости Своей наказывает зло, пока оно существует, и прекращает наказание, как только уничтожилась его причина; так как нравственное зло есть само по себе причина страдания – то страдание продолжается столько же времени, сколько существует зло, интенсивность его ослабевает по мере того, как ослабевает зло. (Иезекииль, 6:25.)

14. Так как продолжительность наказания зависит от испытания духа, то дух, который никогда бы не исправился, страдал бы вечно, и для него, стало быть, наказания были бы вечны.

15. Несоввершенным духам свойственно не видеть предела своему положению, а потому они думают, что будут страдать всегда. Это для них наказание, которое, как им кажется, должно быть вечным и беспрерывным.¹⁴

16. Раскаяние есть первый шаг к исправлению; но одного его мало, нужно еще искупление, окончательное исправление. Раскаяние, искупление и исправление – три необходимых условия, чтобы изгладить следы проступка и его последствий. Раскаяние смягчает муки искупления, давая надежду и подготавливая путь к исправлению. Но только одно исправление может уничтожить следствие, разрушая причину; без этого условия прощение было бы милостью, незаслуженной и не уничтожающей зло.

17. Раскаяние может происходить везде и во всякое время; если оно запаздывает, виновный страдает дольше. Искупление состоит в страданиях физических и моральных, которые являются следствиями совершенных проступков. Оно может иметь место как в этой жизни, так и после смерти, в жизни духовной или в новом существовании, до тех пор, пока не исчезнут следы греха. Исправление проступков состоит в том, чтобы делать добро тому, кому ранее причинил зло. Тот, кто не исправился в этой жизни по бессилию или по злой воле, в следующем существовании встретится опять с теми, кому сделал зло, и в условиях, им самим выбранных, чтобы показать им свою преданность и сделать им столько добра, сколько было сделано зла.

Не все ошибки влекут за собой прямой и действительный вред. В таком случае исправление состоит в том, чтобы исполнить то, что должно было быть сделано вовремя, но почему-либо осталось невыполненным; так, например, исполнить обязанности, которыми пренебрегли или вовсе не исполняли, вообще делать добро, противоположное тому злу, какое делалось ранее и за которое несет наказание, а именно: если был горд – смириться, стать кротким, если был жесток; трудолюбивым, если был ленив и т. п. Этим способом дух совершенствуется, пользуясь примером прошлого.¹⁵

18. Несоввершенные духи исключены из мира счастливых, гармонию которых они бы нарушили; они находятся в низших мирах, где искупают свои проступки в несчастях жизни и очищаются от своих несовершенств до тех пор, пока не заслужат воплощения в мирах, морально и физически более совершенных. Если существует определенное место наказаний, то оно должно находиться в мирах искупления, потому что несовершенные духи во множестве населяют эти миры.

¹⁴ Постоянное – синоним вечного. Говорят: граница постоянных снегов, вечные льды полюсов; говорят также: постоянный секретарь академии, но это не значит, что он будем им постоянно, а только на неопределенное время. Таким образом, вечно и постоянно употребляется в смысле неопределенности. Поэтому можно сказать: муки вечны, если не подразумевается ограничение их продолжительности. Они вечны для духа, который не видит им конца.

¹⁵ Необходимость исправления есть принцип строгой справедливости, который можно рассматривать как настоящий закон восстановления нравственности духов. Это доктрина, которую еще не провозглашала ни одна религия. Тем не менее, многие ее отрицают, потому что они находят более удобной возможность загладить свои дурные дела простым раскаянием, которое не стоит ничего, кроме слов; их добрая воля, благодаря нескольким обрядам, считать себя свободными от долгов: позднее они сами увидят, достаточно ли этого. Можно их спросить, не освящен ли тот же самый принцип законом человеческим и может ли быть справедливость Божия ниже человеческой? Представьте себе человека, который, злоупотребив вашим доверием, разорил вас и ограничился бы выражением своего сожаления, не исполнив притом долга честного человека. Когда обязанность исправления внедрится в верования большинства, оно будет уздою неизмеримо более могущественною, чем ад и вечные мучения, потому что она касается живых интересов жизни и потому, что тогда человек поймет смысл тех тяжелых условий, в которых он находится.

19. Дух, всегда имеющий свободу воли, иногда очень медленно исправляется и долго упорствует во зле. Он может так упорствовать годы и века, но всегда наступает минута, когда его упорство в борьбе со справедливостью Божиею смиряется и уступает перед страданием и когда, несмотря на свое хвастовство, он начинает понимать высшее могущество, царящее над ним. Как только у него проявляются первые признаки раскаяния, Господь подает ему надежду на спасение. Ни один дух не бывает в таких условиях, чтобы ему нельзя было совершенствоваться, иначе он был бы роковым образом обречен на вечное пребывание в низшем состоянии и таким образом оказался бы вне закона прогресса, которым управляются все существа.

20. Как бы ни была низка и испорчена душа, *Бог никогда не покидает ее*. Каждая душа имеет своего ангела-хранителя, который бодрствует над ней. Он старается побуждать ее к добрым мыслям, к желанию совершенствоваться и исправить в новом существовании то зло, которое она сделала ранее. Впрочем, этот наставник и покровитель действует большею частью тайно, сокровенным способом, не оказывая явного давления. Душа должна улучшаться по собственной воле, а не вследствие какого бы то ни было принуждения. Если она поступает плохо, то она сама и ответит за это, но как только она делает шаг к исправлению, она тотчас же видит его добрые последствия.

Примечание. Было бы заблуждением думать, что в силу закона прогресса уверенность рано или поздно достичь блаженства может служить поощрением упорствовать во зле, в надежде когда-нибудь успеть покаяться. Совсем нет. Во-первых, низменный дух никогда не видит конца своего положения; во-вторых, дух, как виновник своего несчастья, кончает сознанием, что от него самого зависит прекратить свои страдания и что чем больше он будет упорствовать во зле, тем больше он будет несчастлив. Он увидит, что его страдания будут длиться бесконечно, если он не положит им конец. Упорство – плохой расчет, он первый от него страдает. Если же, наоборот, по догмату неотмененных наказаний, у духа была бы навсегда отнята всякая надежда на лучшее состояние, то, конечно, – у него не было бы никакого интереса возвратиться к добру. Перед этим законом одинаково падает возражение, взятое из понятия о Божественном предвидении. В самом деле, Бог, создавая душу, знает, какой путь она изберет в силу свободной воли, дурной или хороший. Он знает, что она будет наказана за злые дела; но Он знает также, что это временное наказание есть средство вывести ее на хорошую дорогу, к которой она рано или поздно придет. Согласно доктрине о вечном мучении, Бог знает, что душа падет и что она наперед обречена на вечную гибель.

21. Всякий ответственен только за свои собственные проступки: никто не несет наказания за чужие грехи, если только он их не вызвал своим поведением или примером, или же не воспрепятствовал их совершению, когда имел к тому возможность. Так, например, всегда наказывается самоубийство; но тот, кто своим бессердечием приводит другого в отчаяние и толкает его на самоубийство, ответит еще больше.

22. Хотя разнообразие наказаний бесконечно, но есть такие, которые присущи низменности духов и следствия которых, за исключением мелких деталей, более или менее сходны.

Наиболее непосредственные наказания замечаются, как правило, у тех, кто привязывался к материальным интересам жизни, пренебрегая духовными. Они состоят в медленном отделении души от тела, в томлении и тоске, которые сопровождают смерть и пробуждение к другой жизни, в продолжительности смятения, которое может длиться месяцы и годы. У тех же, чья совесть чиста, кто еще в этой жизни слился с жизнью духовной и отрешился от материальных интересов, отделение души от тела происходит быстро, без потрясения, пробуждение бывает легко и смятения почти не бывает.

23. У духов низшего порядка часто наблюдается следующее явление: они считают себя живыми, и эта иллюзия может продолжаться у них годами; в продолжение этого времени они испытывают все нужды, все потребности, несчастья и смущения, которые встречаются в жизни.

24. Для преступника постоянное лицемерие его жертв со всеми обстоятельствами, сопровождавшими преступление, есть самое жестокое наказание.

25. Некоторые духи погружены в глубокую тьму; другие в полном одиночестве среди пространства мучаются неведением своего положения и своей судьбы. Наиболее виновные страдают от мучений тем более острых, что они не видят им конца. Многие лишены возможности видеть тех, кого любят. Все вообще, с различной степенью интенсивности, переносят те самые страдания, муки и нужды, которые они при жизни заставили испытывать других, до тех пор, пока раскаяние и желание исправить прошлое не принесут смягчение и сознание того, что можно по собственной воле положить конец этому состоянию.

26. Каждая мука для гордецов видеть выше себя, окруженных славой тех самых людей, которых они презирали на земле, когда сами они низведены до последних рядов. Для лицемеров служит наказанием пронизывающий их свет, который обнажает все их скрытые мысли, так что всякий может проникнуть в глубины их, и им не остается никакой возможности притворства; сластолюбцы испытывают все искушения, сохраняя все свои желания, не имея возможности их удовлетворять; скупые видят свое золото расхищенным и не могут удержать его; эгоисты всеми покинуты и испытывают то, что заставляли испытывать других; они будут голодны, и никто не даст им куска хлеба; будут жаждать, и никто не напоит их, ни одна дружеская рука не пожмет их руку, ни один сочувственный голос не утешит их; *они думали только о себе в течение жизни, и никто не вспомнит о них и не пожалеет их после смерти.*

27. Самый верный способ уменьшить и избежать ответственности за свои недостатки в будущей жизни – это стараться избавиться от них по возможности скорее в этой жизни; лучше здесь искупить зло, чтобы не пришлось позднее исправлять его более тяжкими способами. Чем дольше откладывать исправление, тем тяжелее бывают следствия и тем труднее исправление совершенного зла.

28. Положение духа с минуты его появления в загробном мире таково, каким он приготовил его в телесной жизни. Позднее ему даруется другое воплощение, чтобы искупить и исправить прошлое новыми испытаниями; в силу своей свободной воли дух пользуется им так или иначе; если же он не пользуется им сейчас, то оно становится задачей, которую придется позднее начинать сначала и в худших условиях. *Итак, кто много страдает на земле, может быть уверен, что за ним было много проступков, требовавших искупления;* и те, которые пользуются кажущимся счастьем здесь, на земле, несмотря на их порочность и бесполезность, должны знать, что они дорого заплатят за это в другой жизни. Именно в этом смысле Христос сказал: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

29. Милосердие Господа бесконечно, но оно не слепо. Виновный, которого Он прощает, не освобожден от искупления, и пока он не удовлетворит все требования правосудия, он будет чувствовать последствия своих ошибок. Бесконечное милосердие Бога нужно понимать в том смысле, что Он не неумолим и всегда дает способ возвратиться к добру.

30. Так как наказания временны и подчинены раскаянию и исправлению, зависящим от доброй воли человека, они в одно и то же время и испытания, и средства, излечивающие несовершенства души. Наказанные духи – это не каторжники, осужденные на определенный срок, а скорее больные в госпитале; они страдают от болезни, в которой часто виновны сами, и от мучительного лечения; но они имеют надежду выздороветь тем скорее, чем точнее исполняют предписания врача. Если они продолжают свои страдания по своей воле – в этом нельзя винить доктора.

31. К мукам, испытываемым духом в жизни духовной, присоединяются еще страдания жизни телесной, последствия несовершенства людей, их страстей и дурного употребления их способностей. Только в жизни телесной дух исправляет зло своих прежних существований и приводит в исполнение принятые им в духовной жизни решения. Таким образом, объясняются не несчастья и превратности жизни, которые на первый взгляд кажутся не имеющими смысла,

но на самом деле глубоко справедливы, – это уплата прежних долгов, служащая вместе с тем и совершенствованию духов.¹⁶

32. Обыкновенно говорят, что Бог проявил бы гораздо больше любви к Своим созданиям, если бы Он создал их непогрешимыми и, следовательно, избавленными от превратностей, соединенных с несовершенством. Для этого нужно было, чтобы Он создал совершенные существа, которые нуждались бы в приобретении знаний или нравственности. Конечно, Бог мог бы это сделать; если же Он этого не сделал, значит, по премудрости Своей Он хотел, чтобы прогресс был общим законом. Люди несовершенны и поэтому подвержены несчастьям, более или менее тяжелым; это факт, который необходимо принять, потому что он существует. Заключать из этого, что Бог несправедлив и неблаг, значило бы восставать против Него.

Было бы несправедливо, если бы Он создал существа привилегированные, без труда пользующиеся счастьем, тогда как другие должны были бы трудиться и работать для достижения этого счастья. Но где всего яснее проявляется высшая справедливость Божия – это в равенстве всех созданных Им духов; все одинаковы при своем сотворении, никто не одарен лучше или хуже другого, никому не облегчается совершенствование; всякий, достигший цели, наравне с другими прошел через все испытания низшего состояния; как же после этого не сказать, что свобода действий, предоставленная каждому, в высшей степени справедлива. Путь к счастью открыт всем, цель у всех одна; условия достижения также одинаковы; закон, запечатленный в совести каждого, всем известен. Бог создал из счастья цену труда, а не снисхождения, чтобы каждый имел заслугу по своим трудам; всякий волен работать или не делать ничего – для своего улучшения; кто хорошо трудится, тот и награду получает скорую; кто же откладывает свое совершенствование и уклоняется от него, тот должен винить только самого себя. Добро и зло произвольны и необязательны, и человек свободен в выборе.

33. Несмотря на различие родов и степеней страдания несовершенных духов, закон о наказаниях будущей жизни может быть резюмирован в следующих трех принципах:

1. Стрaдание присуще несовершенству.

2. Всякое несовершенство и всякий проступок, который есть его следствие, влечет за собой свое собственное наказание, естественное и неизбежное; так же как болезнь – следствие излишества, скука – следствие праздности; так что нет надобности в специальном осуждении за каждый проступок каждого отдельного лица.

3. Всякий человек, усилием собственной воли, может избавиться от своих несовершенств и порождаемых ими страданий и обеспечить себе будущее счастье. Таков закон Божественной справедливости: «Каждому по делам его, как на небе, так и на земле».

¹⁶ См. гл. 6 «Чистилище», п. 3 и сл.; затем гл. 20 «Прижизненные искупления». «Евангелие в разъяснении спиритизма», гл. 5: «Блаженны плачущие».

Глава 8. Ангелы

Ангелы по учению церкви

1. Все религии под различными именами признают ангелов высшими созданиями – посредниками между Богом и людьми. Но материализм, отрицая существование духа вне органической жизни, естественно относит это верование к числу фикций или аллегорий.

Верование в ангелов составляет существенный догмат Церкви, и вот как она их определяет.¹⁷

2. «Мы твердо верим, – говорит Латеранский Собор, – что есть только один истинный Бог, вечный и бесконечный, Который вначале создал все и сотворил как духовные, так и телесные существа: ангельское и земное; а потом образовал, как среднее между ними, природу человеческую, состоящую из духа и плоти. Таков, согласно вере, Божественный план создания, план величественный и полный, вполне подобающий вечной мудрости. Задуманный таким образом, он представляет нашим мыслям существо во всех степенях и всевозможных условиях. В высших сферах является существование чисто духовное; в низших – жизнь чисто материальная; в середине же – чудное соединение двух субстанций и совместная жизнь разумной души и органического тела».

Душа наша по природе своей проста и неразделима, но она ограничена в своих способностях. Совершенство, о котором мы имеем понятие, приводит нас к мысли, что возможны другие существа, столь же простые, как и наша душа, но превосходящие ее своими качествами и преимуществами. Наша душа велика и благородна, но она связана с материей, нуждается в хрупких органах и ограничена в своей деятельности и своем могуществе. Почему же не быть другим созданиям, еще более высоким и избавленным от этого рабства и этих пут и одаренным большею силой и более обширной деятельностью? Прежде чем Бог поместил на земле человека, чтобы он служил Ему, познавал и любил Его, не должен ли Он был призвать другие существа для поклонения и восхваления Его в чертоге Его небесной Славы? Неудивительно, что Бог, от руки человека получающий дань восхваления земного мира, из рук ангела принимает фимиам и молитвы людей. Если бы ангелы не существовали, то великий труд Создателя не был бы увенчан совершенством и мир, долженствующий свидетельствовать о Его всемогуществе, не был бы венцом Его мудрости; тогда разум наш, как он ни слаб и ни хрупок, мог бы представить себе нечто более совершенное и более законченное.

«На каждой странице Ветхого и Нового Завета в благочестивых воззваниях или в изложении исторических событий упоминается об этих величественных силах и разумениях. Вмешательство их явно проявляется в жизни патриархов и пророков. Господь посылает их, чтобы через их посредство объявлять Свою волю и возвещать грядущие события; они же служат для передачи Его милости или Его справедливого суда; их присутствие сопровождает рождение, жизнь и страдания Спасителя; упоминание о них примешивается ко всем воспоминаниям о великих людях и важнейших событиях религиозной древности. Они встречаются даже в истории политеизма и в баснях мифологии, так как верования эти столь же древни и всеобщы, как мир. Культ или поклонение, которое язычники воздавали добрым и злым гениям, было только ложно принимаемая истина, выродившийся остаток первоначального догмата.

¹⁷ Мы берем эту выдержку из пасторского послания кардинала Гуссе, архиепископа Реймского, во время поста 1864 года. К этому же посланию относится и выдержка о демонах, помещенная в следующей главе, как объяснение догмата Церкви о Демонах.

В словах святого Латеранского Собора указывается существенное различие между ангелами и людьми. Они учат нас, что первые – это чистые духи, тогда как люди состоят из плоти и духа, т. е. что природа ангелов самостоятельна, без примеси и соединения с материей, какой бы воздушной и тонкой ее ни представляли. Душа же человеческая духовна, но соединена с телом и составляет с ним одно целое – в этом ее назначение. Пока продолжается соединение души и тела, эти две субстанции имеют общую жизнь и большое влияние друг на друга. Душа не может вполне отрешиться от этого неблагоприятного для нее условия. Мысли доставляются ей чувствами, сравнениями с внешними предметами и большей частью в реальных образах. Вследствие этого она не может сама себя наблюдать и не может себе представить Бога и ангелов иначе, как под видимой или осязаемой формой. Оттого и ангелы, чтобы появиться перед святыми и пророками, принимали телесный образ; однако это были тела воздушные, которые они приводили в движение, не соединяясь с ними, или символические образы, имевшие отношение к исполняемой ими миссии.

«Их существо и их движения не ограничены каким-либо определенным пространством. Не имея связи ни с каким телом, они не могут быть остановлены или ограничены другим телом, как это бывает с нами; они не занимают места и не наполняют никакого пространства; так же как у нас душа находится во всем нашем теле и в каждой из его частей, так и они все почти одновременно находятся во всех частях света; более быстрые, чем мысль, они могут быть мгновенно везде и могут действовать сами без всякого препятствия их намерениям, кроме, конечно, воли Божией или противодействия человеческой свободе.

«Мы, люди, вынуждены видеть только отчасти и в известной степени то, что вне нас, а истины высшего порядка являются нам, как загадки или как в зеркале, по выражению св. ап. Павла; они же без труда различают то, что им нужно знать, и вступают в непосредственные отношения с предметами своей мысли. Их познания не составляют результата индукции или рассуждения, но состоят в ясном и глубоком проникновении, которое охватывает сразу виды и роды, причины и вытекающие из них последствия.

Различие времени, пространства, множественность предметов – ничто не может смешиваться в их сознании. Но Божественная сущность, будучи бесконечной, им непонятна; она имеет тайны и глубины, в которые и духи не могут проникнуть. Особые предначертания Провидения для них также сокрыты; но тайна им открывается, когда в определенных обстоятельствах им поручается передать откровение людям.

Сношения Бога с ангелами и ангелов между собою происходят не так, как между людьми, т. е. при помощи членораздельных звуков или других видимых знаков. Чистые разумы не нуждаются ни в глазах, ни в ушах, чтобы видеть или слышать, они не имеют также голоса, чтобы выразить свою мысль – этот обычный посредник наших отношений им не нужен; но они выражают свои чувства своим особым, чисто духовным способом. Им стоит только захотеть, чтобы быть понятыми.

Один Бог знает число ангелов; но оно не бесконечно и не могло бы быть таковым. По сказаниям святых отцов и учителей Церкви, оно очень велико и даже поистине чудесно. Если число жителей города соответствует его величине, то нужно заключить – так как земля есть только атом в сравнении с необъятным пространством вселенной – что число обитателей небес и воздуха гораздо больше числа людей.

Так как величие и блеск царей выражается количеством их подданных и слуг, то что же может нам дать большее понятие о величии Царя Царей, как не это неизмеримое количество ангелов, населяющих небо и землю, моря и бездны, а также и достоинство тех, которые постоянно пребывают распростертыми ниц перед Его престолом?

Отцы Церкви и богословы учат, что ангелы разделяются на три иерархии, или ангельских чина, а каждый чин – на три хора.

Высшие из ангельских чинов называются в соответствии с исполняемыми обязанностями: *серафимами*, потому что они как бы воспламеняются любовью перед лицом Божиим; другие – *херувимами*, потому что они отражают светлое сияние Божественной мудрости; третьи – *престолами*, потому что провозглашают величие Божье и распространяют сияние Его славы.

Ангелы второй категории носят названия тех дел, которые им поручены в общем управлении вселенной, это – *господства*, указывающие ангелам низших разрядов их миссии и поручения; *власти*, которые исполняют чудеса, требуемые важнейшими интересами Церкви и человеческого рода; *силы*, своей бдительностью и мощью защищающие законы, которыми управляется мир физический и моральный.

Чины третьего разряда разделяют между собою управление обществами и липами; это: *начала*, которым поручены царства, провинции и епархии; *архангелы*, которые возвещают послания великой важности; *ангелы-хранители*, которые сопровождают каждого из нас, чтобы наблюдать за нашей безопасностью и за нашей святостью.

Опровержение

3. Общий вывод из этой доктрины тот, что ангелы – существа чисто духовные, предшествовавшие человечеству и превосходящие его, *что это существа привилегированные, посвященные высшему блаженству со времени своего сотворения*; одаренные всеми добродетелями и знаниями, хотя они ничего не делают, чтобы их приобрести. Они стоят в первом ряду творения; в последнем ряду находится жизнь чисто материальная; а между этими двумя рядами творений Божьих находится человечество, состоящее из душ – духовных созданий, стоящих ниже ангелов – соединенных с материальным телом.

Эта система вызывает несколько серьезных возражений. Что это за чисто материальная жизнь? Неорганическая материя? Но неорганическая материя не имеет жизни. Идет ли тут речь о растениях и животных? Тогда это уже четвертый разряд творений, так как нельзя отрицать, что в разумном животном есть нечто большее, чем в растении, а в растении – больше, чем в камне. Что же касается человеческой души, составляющей переход, то она соединена прямо с телом, которое само по себе есть материя; без души оно, как ком земли, не имеет никакой жизни.

Это разделение неясно и не согласуется с наблюдением; оно похоже на теорию четырех элементов, которая не выдерживает научной критики.

Примем все-таки эти три положения: создание духовное, человеческое и телесное; таков, говорят, Божественный план, план величественный и полный, как и подобает вечной мудрости. Заметим, однако, что между этими тремя родами творений нет никакой необходимой связи; это три отдела существ, последовательно сотворенных, одни после других; от одного до другого замечается перерыв, тогда как в природе все неразрывно, везде является чудный закон единства, все элементы которого, превращаясь из одного в другой, имеют точку соприкосновения. Теория эта верна в том смысле, что эти три рода созданий, очевидно, существуют; только она неполна: в ней недостает точек соприкосновения, что легко доказать.

4. Эти три выдающихся пункта творения, говорит Церковь, необходимы для гармонии целого; будь хоть одним меньше – творение было бы неполно и несогласно с вечной мудростью.

Между тем, один из основных догматов религии говорит, что земля, животные, растения, солнце, звезды, самый свет были вызваны из небытия шесть тысяч лет тому назад, стало быть, до этого времени не было ни человеческого, ни телесного создания, и в продолжение предшествовавшей вечности Божественное творение оставалось неполно и несовершенно. Сотворение мира, произошедшее за шесть тысяч лет до Р. Х., составляет основной догмат веры, и еще несколько лет тому назад предавали анафеме науку за то, что она опровергала библейскую хронологию и доказала более глубокую древность земли и ее обитателей.

Несмотря на это, Латеранский Собор, один из Вселенских, предписавших законы веры, говорит: *«Мы твердо верим, что истинный Бог един, вечен и бесконечен; Он до начала времен вызвал из небытия все сущее, как духовное, так и телесное».*

Начало времен должно быть понимаемо как протекшие вечности, так как время бесконечно так же, как и пространство: оно не имеет ни начала, ни конца. Выражение *начало времен* есть символ, изображающий идею бесконечности предшествовавших времен. Итак, Латеранский Собор *твердо верует*, что духовные и телесные создания были сотворены одновременно и вызваны из небытия во времена неопределенного прошедшего. Как же понять тогда библейский текст, который определяет сотворение мира за шесть тысяч лет до наших дней? Предположим, что это и было именно время творения видимого мира. Кому же верить, Библии или Вселенскому Собору?

5. Тот же Вселенский Собор высказывает еще следующее странное предположение: *«Душа наша соединена с телом таким образом, чтобы составить с ним одно нераздельное существо; таково ее основное назначение».*

Если основное назначение души – быть соединенной с телом, то это ее нормальное состояние, ее цель, ее конец. Однако душа бессмертна, а тело смертно; ее союз с телом происходит только один раз, по учению церкви, и если бы он длился даже столетие, то что это значит в сравнении с вечностью? Для очень многих он длится только несколько часов; какая же польза душе от этого эфемерного союза? Ведь продолжительность такого существования совершенно незаметна в течение вечности. *Правильно ли сказать, что ее существенное назначение – быть связанной с телом?* Это соединение есть, в сущности, только случайное событие в жизни души, а не существенное состояние ее.

Если назначение души – быть соединенной с материальным телом, если по ее природе и согласно целям Провидения союз этот необходим для проявления ее способности, то нужно заключить, что *без тела душа человеческая есть существо неполное*. Следовательно, чтобы остаться тем, чем ей назначено быть, она должна, покинув одно тело, опять войти в другое, что приводит нас к мысли о необходимости множественности существований, иначе сказать, к непрерывному перевоплощению. Странно, что Вселенский Собор, как один из светочей церкви, до такой степени отождествил духовное существо с материальным, что душа и тело как бы не могут существовать друг без друга, так как главное условие их творения – быть соединенными.

6. Ангельская иерархия показывает нам, что некоторые из ангелов имеют полномочия на управление физическим миром и человечеством и что они созданы для этой цели. Но, по книге Бытия, мир существует только шесть тысяч лет; чем же занимались ангелы до этого, в продолжение вечности, когда предметы их попечений еще не существовали? Были ли ангелы созданы до начала времен? Вероятно, были, так как они восхваляют Всевышнего, и если бы Бог их создал в какое-либо определенное время, то оставался бы без поклонения всю предшествующую вечность.

7. Далее говорится: *«Пока будет существовать этот тесный союз души и тела...»*, значит, будет такое время, когда союз этот существовать не будет? Это положение противоречит тому, которое из этого соединения делает необходимое назначение души. Еще говорится: *«Мысли возникают в душе посредством чувств, из сравнения внешних предметов».* Это философское учение верно только отчасти, но не абсолютно. По мнению ученого-богослова, получение идей из чувственных впечатлений составляет условие, необходимо связанное с природою души; однако он забывает о врожденных идеях, о высших способностях, о том иногда особенном наитии, которое дитя имеет со дня своего рождения, без всякого учения или наставления. Посредством каких чувств молодые пастухи, природные математики, удивлявшие ученых, получали способность почти мгновенного решения самых сложных задач? То же можно сказать о многих скороспелых музыкантах, художниках и лингвистах.

Занятия ангелов являются не следствием выводов и заключений разума; они знают, потому что они – ангелы и не имеют надобности учиться; Бог их создал таковыми: душа же должна учиться. Если душа получает идеи посредством телесных органов, какие мысли может получить душа ребенка, умершего через несколько дней после рождения, если предположить, по учению Церкви, что она не возродится?

8. Здесь возникает жизненный вопрос: приобретает ли душа идеи и знания после смерти тела?

Если она, отделившись от тела, не может приобрести ничего больше, то душа ребенка, дикаря, кретина, идиота останется навсегда такою, какою она была в момент смерти: она обречена на вечное ничтожество. Если же она приобретает новые познания после настоящей жизни, значит, она может совершенствоваться. Без будущего прогресса души приходишь к бессмысленным выводам; с прогрессом же – к отрицанию всех догматов, основанных на конечном ее состоянии, на неизменности ее судьбы, вечности мучений и т. д. Если же она совершенствуется, то где же конец ее совершенствованию? Нет никакого основания думать, что душа не может достичь положения ангелов или чистых духов. Если же она может этого достичь, то не было надобности создавать привилегированных духов, избавленных от всякого труда и пользующихся вечным блаженством, не делая ничего для его достижения, тогда как другие, менее счастливые, достигают вечного блаженства только после долгих и тяжелых страданий и испытаний. Конечно, Бог это сделает; но если предполагать бесконечное совершенство, без которого нет Бога, то нужно предположить и то, что Он не делает ничего бесполезного и ничего такого, что не оправдывало бы Его высшей справедливости и доброты.

9. «Так как величие и блеск царей зависят от количества их поданных слуг и царедворцев, то что же может дать нам большее понятие о величии Царя Царей, как не великое множество ангелов, населяющих *небо и землю, моря и бездны*, и достоинство тех, кто находится *постоянно коленапоклоненным* пред Его престолом?»

Не унижает ли Божественное достоинство это сравнение славы Бога с пышностью царей на земле? Мысль эта, внедренная в невежественные массы, искажает понятие, которое они должны иметь о настоящем величии Бога: он – Бог, а Его приравнивают к мизерным размерам человечества, предполагают в нем потребность иметь миллионы обожателей и поклонников, *вечно распростертых ниц* перед Ним. Это значит приписывать Ему все слабости деспотических и гордых властителей Востока. Что возвеличивает государя действительно великого? Неужели количество и блеск его придворных? Нет. Его доброта, его справедливость и заслуженное название отца своего народа. Спрашивают, что лучше может дать нам понятие о величии Бога, как не множество ангелов, составляющих Его свиту? – Да, действительно, есть нечто лучшее – это представление Бога, одинаково милосердного, благого и справедливого ко всем своим творениям, а не мстительного, гневного, неумолимого, пристрастного, создавшего для Своей собственной славы привилегированные существа. Он сотворил их для вечного блаженства и одарил всеми благами, тогда как других он заставляет с трудом добиваться счастья и вечными карами искупать минуту заблуждения.

10. Учение спиритизма в отношении соединения души и тела гораздо более *спиритуально*, чтобы не сказать *менее материалистично*, и более согласно с назначением души. Оно говорит нам: душа независима от тела, которое есть только временная ее оболочка; *сущность ее духовна, и нормальная жизнь ее есть жизнь духовная*. Тело – это только орудие для упражнения способностей души в ее отношениях к материальному миру; отделившись же от тела, она пользуется своими способностями с еще большей свободой и гораздо шире.

11. Ее союз с телом, необходимый на первых ступенях ее развития, имеет место только, если можно так выразиться, во время ее детства и отрочества; но когда она достигает определенной степени совершенства и дематериализации, союз этот ей более не нужен, и тогда душа живет уже исключительно жизнью духа. Как бы ни многочисленны были материальные суще-

ствования, они все ограничены жизнью тела, и общий их итог составляет лишь самую малую долю духовной жизни, которая вечна.

Ангелы по учению спиритизма

12. Что существуют творения, обладающие всеми достоинствами и качествами ангелов, – это несомненно. Спиритические откровения в этом отношении подтверждают верования всех народов, но в то же время указывают и на происхождение и свойства этих существ.

Души, или духи, созданы простыми, несведущими, т. е. не имеющими познаний и понимания добра и зла, но способными приобрести и то, и другое; они приобретают то, чего им недостает, своим трудом. Цель же их – совершенство для всех – одна и та же; они достигают его более или менее быстро по мере своих сил и своей доброй воли; все они должны пройти одинаковый путь, исполнить одну и ту же работу. Бог никого не избавляет и никому не облегчает этой задачи, так как все Его дети Ему одинаково дороги, и, будучи справедливы, Он не делает предпочтений. Бог говорит: «Вот ваш закон – им вы должны руководствоваться. Исполняйте его; только он может привести вас к цели: все, что с ним согласно, – добро; все, что не согласуется, – зло. Вы свободны ему следовать или не следовать; судьба ваша в ваших руках, распоряжайтесь ею сами».

Итак, Бог не создавал зла, все Его законы ведут к Добру, человек же сам создает зло, нарушая Божеские заповеди; если бы он им добросовестно следовал, то никогда не сошел бы с доброго пути.

13. Но душа в первых фазах своего существования, так же как и ребенок, неопытна и потому склонна к греху. Бог дает ей не опытность, а только возможность ее приобрести; каждый ложный шаг на пути зла есть замедление, последствия которого она испытывает и на собственном опыте научается тому, чего ей надо избегать. Таким образом, она мало-помалу развивается, совершенствуется и подвигается по ступеням духовной иерархии, пока не достигнет положения *чистого духа, или ангела*. Итак, ангелы – это человеческие души, достигшие высшей, доступной созданию, степени совершенства и пользующиеся полностью обещанного блаженства. До достижения высшей степени они пользуются относительным счастьем, равняющимся достигнутым успехам. Но счастье это небездеятельно. Оно состоит в исполнении возлагаемых на них Богом обязанностей, хорошее исполнение которых есть способ совершенствоваться (см. гл. 3 «Небо (Рай) и Ад»).

14. Человечество не ограничено землею, но распространяется на неисчислимые миры, которые движутся в пространстве; оно жило в тех мирах, которые уже исчезли, и будет жить в тех, которые вновь образуются. Бог творил всегда и будет творить вечно.

Еще задолго до того как начала существовать земля, какую бы древность ей ни приписывали, существовали уже в других мирах воплощенные духи, которые проходили те же испытания, какие проходим мы, и которые достигли цели, прежде чем были созданы. Следовательно, ангелы, или чистые духи, существовали всегда, но человеческий период их существования теряется в бесконечном прошлом. Для нас это равносильно тому, как если бы они всегда были ангелами.

15. Таким образом, осуществляется великий закон единства творения. Бог никогда не был бездеятелен, Он всегда имел чистых духов для передачи Его повелений и для управления всеми частями вселенной, начиная с управления целыми мирами и кончая управлением мельчайшими подробностями. Ему не было надобности создавать привилегированных существ, избавленных от труда; все существа, как древние, так и последующие, приобрели свое достоинство борьбою и собственными заслугами; все пожинают плоды своих трудов. Таким образом, исполняются веления высшего правосудия Божия.

Глава 9. Демоны

Происхождение веры в демонов

1. Демоны во все времена играли видную роль в различных теогониях.¹⁸ И теперь, хотя они сильно упали в общественном мнении, значение, приписываемое им еще и в наши дни, заставляет отнестись к этому вопросу с некоторой серьезностью, так как он глубоко затрагивает религиозные верования. Нелишним будет рассмотреть его достаточно подробно.

¹⁸ Теогония – родословная языческих богов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.